

СЕРГЕЙ КОРБУТ

СЕБЕ НАВСТРЕЧУ

Книга стихов в 4-х частях

1. *Идти другим навстречу легче,
Но я, как сбившийся с пути,
Себе отправился навстречу,
Себя надеясь обрести.*
2. *Мы за других всегда в ответе.
Но, успешнувшись, спросит Бог:
«А что же ты на белом свете
С собою встретиться не смог?»*
3. *Себе навстречу — путь свободен,
Когда не мчишься впопыхах.
Я часть себя нашёл в природе,
А часть ещё ищу в стихах.*
4. *Быть может, я судьбе перечу...
Но я сейчас не о судьбе.
Когда приду себе навстречу,
Что я узнаю о себе?*

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Рус)7
К66

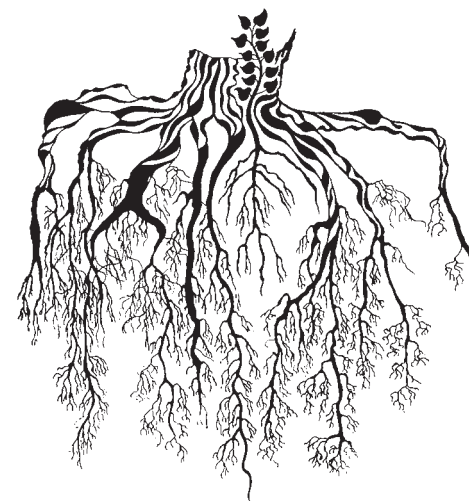
Корбут С.В.

К66 Себе навстречу: Стихи. – Иркутск, 2015. – 260 с.

Это вторая книга члена Союза писателей России Сергея Корбута. Первая – «Все стихи 2005» – издана десять лет назад. Часть стихов из неё, большинство в новой редакции, вошла в данную книгу, но основной объём составляют новые произведения, ранее нигде не публиковавшиеся, либо появлявшиеся в журнальных подборках («Наш современник», «Сибирь», «Слово Забайкалья», «Иркутское время» и др.). Книга тематически поделена на четыре части, в каждую из которых входят лирические, философские, публицистические и юмористические стихотворения.

© Корбут С.В., 2015

Никогда я не был молодым

Что прошло – исчезло... Время – дым.
Жизнь подобна маленькому чуду.
Никогда я не был молодым.
И уже, наверное, не буду!

◆ Осень приносит плоды – мы глядим удивлённо:
Разве мы это так молодо-зелено сеяли,
Разве мы это, пока оно было зелёным,
Самозабвенно и самовлюблённо лелеяли?
Всё изменилось вокруг, или мы незаметно,
Сердцем отдавшись течению лет, изменяемся?
Разве мы сеяли это? Лелеяли – это?
Всё удивляемся юности, всё удивляемся...

◆ Беспредельное белое поле –
Отражение небытия,
Только воля – бесспорная воля,
Несусветная воля Твоя.

Испаримся мы в ней, как в пустыне
Испаряются капли воды,
Или, может, застынем, как стынет
Выдох севера в сонные льды:

Всё едино, бездумно, бесспорно,
Так зачем же –
до внешней воды
Это чистое белое поле
Отпечатало наши следы?

◆ В полном безмолвии снявшись
С веток соснового бора,
Воронов чёрная стая
В утреннем свете лиловом
Двигается к городу тучей,
Заполонившей полнеба.

Сосны ещё провожают,
Освобождённо вздыхая,
Воронов – взмахами веток,
Дрожью оснеженной хвои.
В облаке искристой пыли
Иглы опавшие кружат.

И ни единого звука,
Ни дуновения ветра,
Словно неведомый кто-то
В утреннем свете лиловом
Полог молчанья набросил
На отрешённую землю.

◆ В темницу дверь твою захлопнул я.
И вышел в свет: во тьму и снег я вышел,
Туда, где сердца слабого не слышен
Надрывный стук.
Я руки опустил. Я выпустил из рук
Твою надежду раствориться в ближнем –
Живой цветок, забытый в книге жизни
В начале холодов.
Я сострадал, я был тогда готов
Любить и жертвовать!
Но жертвенной любовью
Я отравлял тебя, как волю к жизни болью,
Увы. А не спасал.
И чёрная осталась полоса
От всех моих бессмысленных потуг
Там, где себя к тебе приблизил я.
И руки опустил. И выпустил из рук
Страницу бытия...

◆ Какое странное мгновенье.
Какая дивная печаль.
Душе дано отдохновенье,
А размышлениям – причал.

Вдали – зареющее небо,
Вблизи – густеющая тьма.

Я никогда так близко не был
От той черты, где жизнь сама
Бросает времени поводья,
Приемля смысл небытия...
И наступает половодье
Всепоглощающего «я» –
Единого со всем, что было,
Со всем, что ни произойдёт...

Звезда упала и разбила
Очарованья тонкий лёд.

Иль Тот, чьи замыслы поверить,
Я тщился, вымыслом влеком,
Передо мной захлопнул двери,
Распахнутые сквозняком?

*«Клянётся, что не перенесёт
эту беззвёздную муку...»*

◆ Когда накапливает беззвёздная мука
И к Господу просьбы уже бесполезны –
В слабеющем отзвуке скорбного звука
Рождается голос бездны.

И с голосом в душу врывается Хаос –
Безмерный, домирный – до мига Творенья
Спрессованный в точку, которую ставят
За гранью последнего стихотворенья,
Последней картины, последнего акта
В трагедии сердца, уставшего биться
Над бездной беззвёздной...
И просят не плакать
В прощальных посланиях самоубийцы.

Вдруг ощущаешь нехватку душевного пыла,
Жажды событий, открытий, объятий, дорог...
Память услужливо шепчет, что всё уже было,
Лишь повторяется, как надоевший урок.

Всё повторяется, только на уровне копий,
Даже не авторских – автор ушёл на покой.
Память – не скряга, повторов безликих не копит,
В мир первозданности просится каждой строкой.

Мир первозданности полон восторженной страсти,
Здесь даже проигрыш делает жарче огонь.
Здесь каждый день
превращается в солнечный праздник,
Каждая ночь лунным бликом ложится в ладонь.

Как же смириться с нехваткой душевного пыла?
Сласть узнаваний сменила открытий восторг...
Память, я знаю, я помню, что всё уже было,
Но повторяю, как будто забытый урок:

Встречи, беседы, походы, объятия, танцы –
Снова, и снова, и снова, опять и опять...
Просту глупо с оставшейся жизнью расстаться
И про минувшую жизнь вспоминать, вспоминать...

◆ Моменты первые любви
Так вдохновенны, так прекрасны.
Лови любой из них, лови,
Чтоб не смогли пройти напрасно.

Любуясь ими, как тобой
Сейчас любитесь природа.
Её величество любовь
Чуть-чуть помедлила у входа.

Она-то знает наперёд:
Рассвет влюблённости не вечен,
И страсти жар дневной спадёт,
Привычке отдавая вечер.

Любовь сумевшие сберечь
Пройдут вдвоём закатом ясным
Туда, где вспышки первых встреч
Так вдохновенны, так прекрасны,

И где взхлѣб, наперебой
Двойная искренность звучала.
Не торопите же любовь,
Она любит начало.

◆ Мы, не зная о тайнах плоти,
Говорим, что она грешна.
Вот и смотрим, как на охоте:
Стрелы встретятся ли в полёте? –
Двое целились – цель одна.

Взбит порок для нас, как перина...
Ну, а где потаённость чар,
Что, как музыку в окарину,
Изначально вложил Гончар?

Помнит пальцев Его касанье
Каждой клеточкой наша плоть...
Если в уксус вино скисает,
То виновен ли в этом плод,
От которого веки вечные
Исчисляется путь греха?

Ищет истину человечество
В мире музыки и стиха,
Где, в отличие от религий,
Не бывает еретиков,
Тело сбрасывает вериги,
И душе легко без оков.

На Гончарном вращаясь Круге,
Мир гармонию обретал.
Мы вдыхаем её друг в друга,
Прижимая к устам уста.

Не описанное в Писании,
Проскочившем такой момент,
Помнит пальцев Его касание
Человеческий инструмент.

Изнывает стрела в полёте
До загаданной встречи в плоть.
Мы счета предъявляем плоти,
Забывая, что наша плоть
Без дыхания музыканта –
Просто с дырочками сосуд.
Звуки нот не вдохнёшь обратно,
Стрелы чувств не вернёшь обратно,
Заклинания не спасут.

ВАЛЬС

Лунный свет льётся в окно,
Кружатся тени, зыбкие тени разлук.
Так давно этот вальс
Внёс в наши души смятение, но
Я помню тепло ваших рук.

Далёкий вальс, случайный вальс
Всё кружит нас, всё кружит нас,
Волна к волне, волна к волне,
И слышится мне в тишине:

«Милый друг, нас развели
Лунные тени, зыбкие тени разлук.
Сколько раз этот вальс
Мне повторял, повторял, что вдали
Осталось тепло ваших рук...»

Счастливый миг, летящий миг
Вместил в себя безмерный мир.
И падает лунный свет
На лист письма,
Где жизнь сама
Забыла закончить ответ...

◆ Я целовал чужую женщину –
Не потому, что вором вырос,
Не потому, что чувство вечное
Себе присматривал на вырост,
Не потому, что прошлым вечером
Тоска всю жизнь перелистала...
Я целовал чужую женщину
Так осторожно и устало,
Как будто лёд губами стаивал
С её души – ещё крупица –
И будет чем кому-то дальнему,
Кому-то тайному
Напиться...

О, не смотри глазами жалкими!
Сжигая виршами бумагу,
Ты ощущал губами жаркими
Ту упоительную влагу.

◆ Пусть кто-то называет это сном,
Но я-то знаю: это два в одном –
И сон и явь – на чаше тех весов,
Где и колосс Родосский невесом,
Но каждое движение души,
Которая парит или грешит,
Качает чаш качели в тишине:
Сон наяву сменяет явь во сне.

Я вижу сон. Но я во сне живу.
Вот я сейчас во сне цветок сорву.
Глаза открою – нет в руке цветка.
Но помнит ощущение рука.
Ко мне во сне приходят мать с отцом,
Совсем не те, когда я был юнцом,
Они стары, усталы и больны.
Зачем они вот так приходят в сны?

Ведь есть картинки в памяти моей
Совсем других, таких счастливых дней...
Иван Купала, и отец – под смех
И визг – водою поливает всех...
Поход за ягодой... Купание в реке...
Набор воды в далёком роднике...
Вот мать бежит средь света и теней
В берёзовом лесу, отец – за ней,
И детский мой восторг – за ними вскачь!
Всё это – явь. А сны горьки, хоть плачь.

Мы выбирать виденья не вольны.
Зачем вот так они приходят в сны?
Я их не так уж часто навещал,
Я им стихи нечасто посвящал,
И всё-таки к отцу в конце успел,
И с мамой песню на прощанье спел

Про старый клён, стучащийся в стекло...
Успел и спел... Но время истекло.

Когда же в землю мать с отцом легли,
Я чуял холод мёрзлой той земли
Не только в снах, и наяву порой
Охватывал озноб земли сырой.
Вот говорят: живёт он, как во сне...
Быть может, эта фраза обо мне?
Жизнь – это сон? Но не лукавей мысль,
Что сон, по сути, это тоже жизни!
А что дороги там – не так прямы,
Так жить во сне не научились мы.

◆ В обрывках музыки,
 Дробимой
 На стыках рельс,
 Вино в горсти
 Нести пустыней –
 Быть любимой
 Мелодию не обрести –
 И не любить
 Какое дело
 Колёсам поезда до тех,
 Кто укрывает в мякоть тела
 Души расколотый орех.

◆ Бога ради – считайте меня идиотом
 В том, что Вы называете «страстной любовью»...
 Только дай себе волю – и будет подобного вволю,
 Дай уступочку чёрту – и будет такого до чёрта!

Вы наводите взгляд на меня,
 будто в прорезь прицела
 Загоняете мушку и пальцем касаетесь спуска.
 Вам никто не напомнил о том, что душа
 драгоценна?

Или Вас окружила
 безлюбия пыльная пустошь?

Ах, увы, ничего совершенного нет в этом мире
 (А о мире ином рассуждать на земле бесполезно),
 Быть мишенью для Вас
 в переполненном чувственном тире
 Мне не то чтоб смешно, а по опыту – не интересно.

Быть стрелком в этом тире – заманчивей.
 Только в итоге
 Всё опять превратится в подобие
 «русской рулетки» –
 Это чувственный опыт былого в изодранной тоге
 Мне печально кивает из-за гладиаторской клетки.

Это опыт былого – мучительный... и бесполезный.
 В нетерпении зрительный зал
 вкруг любовной арены...
 И жена, как назло, пребывает в далёкой поездке,
 Где поют о любви, завлекая на рифы, сирены.

◆ «Вот эта женщина, которую я ждал
Почти всю жизнь...» – едва её увидел,
Я сам себе неслышно прошептал.
И вдруг осёкся, будто бы обидел
Всё, что стояло за моей спиной,
Теперь уже с растерянной улыбкой,
Всё, что делилось чувствами со мной,
И вдруг на миг предстало тенью зыбкой:
«Выходит, ты всю жизнь чего-то ждал?..
А то, чем жил – плацдарм для ожидания?
А что любовью называл тогда,
В самообмане столько лет блуждая?!
Или сейчас ты угодил в туман,
Слепивший вдруг прекрасную химеру –
Запретный плод лукавого ума...
Поэзия, превысившая меру
Реальности...»

Дробится мир внутри
Сознания. Подрагивает голос.
Я знаю способ, чтоб на счёте «три»
Любое наваждение раскололось.
Но медлю: вдруг действительно – она?..
Вдруг жизнь была бессмысленно бескрыла?!
И вновь вина, как пенная волна,
Меня, взметнувшись, с головой накрыла...

А между тем решаются дела,
И женщина торопится куда-то.
Она меня, похоже, не ждала!
В смятении моём не виновата...

Приход второй. Я тщательно побрит,
Пострижен. Туфли – блеск. Костюм наглажен.
А женщина устало говорит,
Что ей успех проекта очень важен,

Ведь жизнь почти прошла, и результат
Не должен быть так нищенски ничтожен.
Что смысла нет минувшее латать
Тогда, когда пора его итожить.
Она уже, увы, немолода,
Хотя душа о возрасте не помнит
И ждёт чего-то нового всегда...
Пусть монолог её не будет понят
Превратно... Не понятна ей самой
Причина откровенности внезапной...
И, в общем-то, уже пора домой.
А договор подпишем... послезавтра.
Тут кое-что придётся уточнить,
И хорошо бы разобраться в смете...
Вдруг, возвращая разговора нить:
«Душа о возрасте не помнит, но о смерти
Не забывает. В прошлом для неё
Теперь, пожалуй, больше остаётся
Желанного. И то, что мы дольём
В сосуд сверх меры, попусту прольётся...»

И не пришла, и не звонила, но
Спустя два дня всё показалось проще.
Всё правильно. Всё, как заведено.
Вот женщина. Вот жизнь.
Душа не ропщет.

◆ Вернёт свою судьбу монашка Богу
В нераспечатанном наивностью конверте...

Так иногда из юности – с любовью,
Скрываемой до времени, до смерти –
Придёт письмо – бесплодным завещаньем,
Заветом поздним, безответной болью...
Свет мёртвых звёзд так долго освещает
Тропинки памяти и одаряет ролью
Невоплощённости, и вводит в заблуждение,
И поджигает чащи подсознания...
Холодный пламень, ледяное жженье –
Прочувствованные заранее...
А сердце... сердце прячется в берлогу,
Жизнь коротая в сонном нетерпении...

Вернёт свою судьбу монашка Богу
Под комментарий ангельского пения.

НАРЦИСС

Я человечеству принадлежу,
Не собираюсь шушукаться с вечностью.
С женщиной рядом в постели лежу,
Как с половиной всего человечества.
Слышу дыхание ровное, но
В нём ощущаю эпохи пульсацию.
Так по ночам безразлично темно,
Словно Вселенная впала в протрацию.

Мысли, заброшенные в «абсолют»,
Или же в «поле информационное»,
Мне абсолютным образом сольют
Как подавание порционное...
Люди несут нескончаемый вздор:
Всё объяснять – недостойная мания.
Тот, кто заводит со мной разговор,
Кажется мне недостойным внимания.

Я – человеческой расе родня,
Но не смогу ей спасение выстрадать.
Вот и не сплю в ожидании дня,
Как в ожидании подлого выстрела.
Шум в голове усыпит наконец –
Это сансары движение плавное
Плавит спрессованный в пулю свинец:
Жизнь в этой жизни не самое главное...

Утром скажу себе: хватит дурить!
В зеркало гляну, как будто нечаянно,
Вот с кем хотелось бы поговорить!
Да упустил разговора начало я...

◆ Дымят, дымят печные трубы
В сорокаградусный мороз.
Его дыхание сводит губы,
В сосульку превращает нос.

Иду заснеженным посёлком:
Домой добраться бы скорей!
Дробится по заборным щёлкам
Свет отдалённых фонарей.

В его прерывистом мельканье,
Как искры, изморозь блестит,
И осыпается дыхание
Моё – на пройденном пути.

Безлюдны улицы, и гулко
Подошвы подминают снег.
Моя вечерняя прогулка –
Как путешествие во сне,

Где детства образы гостили,
Где чудо грезилось, и вот –
Дымы колоннами застыли,
Небесный подпирая свод,

Заледеневший звёздный купол
Глядит глазами янтарей,
Мороз суров и неподкупен
В две тыщи пятом январе!

◆ Время, которое нас призывало,
Мы в поводу удержать не сумели.
Наши надежды сегодня в отвалах,
Наши идеи кликуши отпели.

Время, которое мы потеряли,
Было сумбурно, но не было пресно.
Путь сквозь тайгу прорубать топорами
Так созидательно, так интересно!

Но, ошалеv от сибирских просторов,
Дяди в Москве размахались лекалом.
Раны природа залечит не скоро,
Даже под шёпот шамана-Байкала.

Мы заразились столичным размахом
Вместе с цинизмом чиновничьей воли
И потащили природу на плаху
Так, что земля содрогнулась от боли.

Деревце это кому помешало?
Просто смахнул, острие проверяя.
Как оно к свету тянулось, дышало –
Светлый росточек из семени рая!

Стансы над деревцем? Странно, однако,
Рядом с размахом российских пожаров.
Но над одною судьбою поплакать –
Ближе душе, чем всемирная жалость.

В теле здоровом душа отмирает,
Нравы над нравственностью смеются...
Времечко камни уже подбирает.
Только назад не умеет вернуться.

◆ Страна, конечно, и больна,
И счастье ей совсем не светит,
Но мне нужна одна она –
Нужна, как собственные дети.

Как эту фразу понимать –
Ломать вам голову не надо.
Страна больная мне – не мать,
А дочь в судьбине неприглядной.

Отцовской долей не горжусь,
Судьбу исправить я не в силах,
Любовью только пригожусь
С надеждою незагасимой.

Молясь, не лью бессильных слёз,
Слезами горю не поможешь.
Ведь тот, кто верует всерьёз,
Не усомнится в силе Божьей.

Не крикну Господу: «Смотри!
Россия в язвах. Ты ей нужен!»
Я Бога чувствую внутри,
А не надсмотрщиком снаружи.

Когда Отчизне жить невмочь,
Моя любовь – для жизни стимул.
Прижмись ко мне, Россия-дочь,
С надеждою незагасимой.

◆ Что боль, что кручина –
Для сердца – как иглистый лёд.
Тоска беспричинна,
Но разум причину найдёт,
С ней будет носиться,
Как с писаной торбой дурак...
Мне снова не спится,
Не спится, не спится никак!
О чём бы ни думал,
В итоге всё та же тоска.
Какой же я дурень,
Что торбу с тоскою таскал
По пыльным дорогам,
По вольным полям и лесам,
Её за порогом
Чужим никогда не бросал.
Смеялся: «Да ладно!
Куда ж её бедную деть», –
Не зная расклада,
Что смолоду буду сидеть,
Что сердце остынет
От этого колкого льда,
И станет пустыней
Бессонных ночей череда...
Мираж за миражем
Плывут, за собою маня...
Кто торбу развяжет,
Когда вдруг не станет меня?
Тоска беспричинна,
И значит, её не избыть...
Душа, как лучина
В густеющем мраке избы.

◆ По тайге я шёл-спешил –
Ходко в новых кедах.
Ветер шишку ворошил
На высоких кедрах.

Вдруг он дунул – что в трубу!
Силы есть в излишке.
Как гранаты, на тропу
Полетели шишки.

Хорошо, на голове
Капюшон-штормовка:
По макушке сразу две
Угодили ловко.

Закричал себе: «Ложись!» –
Как боец бывалый.
И, упав, скатился вниз
По траве увала.

На корягу налетел,
Новый кед порвался.
Я про кеды песню спел,
До тропы добрался.

Шишек, сколько мог, набрал
В этой переделке.
Капюшон вот только мал,
И карманы мелки.

Майку снял, связал узлом –
Этот трюк привычен.
Будет вся в смоле потом,
Но зато – с добычей!

Если в лес теперь хожу
В пору шишкопада,
Я мешок с собой ношу –
Будет внукам радость.

Станет ветер шишку бить,
Я с мешком-то, братцы,
Буду бегать и ловить,
Чтоб не нагибаться!

У меня на голове
Каска не для вида.
Здесь, скажу вам, пользы две:
Ёмкость и защита.

Вместо кед купил вчера
Сапоги «Топтыгин».
До свиданья. В лес пора –
По увалам прыгать!

◆ Я иду по твоей лыжне.
Рядом вьётся моя лыжня.
На твоей интересней мне,
Ты, конечно, поймёшь меня.

Две лыжни, чтобы рядом быть,
Когда путь всё равно один.
Две лыжни, чтобы не забыть,
С кем куда и когда ходил...

Электричка тебя несёт
От Байкала назад в Иркутск.
Не скажу, что тоска сосёт,
Просто вечер навеял грусть.

От закатных теней пестрят
Две лыжни по реке Снежной,
И темнеет деревьев ряд
Убегающей вдаль волной.

◆ Пусть за спиной ещё шумят обвалы,
Равнинный путь уже открылся нам:
Большой любви вступительные главы
Переросли в эпический роман.

Его бесстрастный стиль неторопливый
Изгладит путь, который мы прошли:
Нас бурных речек сблизил разливы,
Ветра предгорий чуть не развели,

Ветра хребтов залечивали травмы,
Ветра вершин затеплили свечу –
Для переживших лирику и драмы,
Не растеряв возвышенности чувств...

За перевалом всё осталось прежним –
Для тех, кто тем же движется путём.
Но мы о прошлом вспоминаем реже,
И думать не хотим, куда придём.

Ветра равнин остепеняют страсти,
Зато мы стали более близки
И вызываем ощущение счастья
Простым прикосновением руки.

◆ Что-то смутное душу тревожит...
За окном улеглась кутерьма –
Натянула метельные вожжи
У околицы нашей зима.

Передышка. Покой. За калиткой
Лунный свет на чистейшем снегу.
Я пройти по нему без молитвы
Не могу...

Но ко мне возвращает пространство,
Разнимая на звуки, слова.
Не язычество, не христианство –
Нецелованное целовать.

Это где-то в сознании детства,
Пока чувства не хлынули в речь.
Нужно внутренним взором взглядеться,
Чтобы нужные звуки извлечь.

Но получится вой или клёкот,
Трубный зов или посвист в ночи?
Не гляди на меня из-за стёкол,
Прикрывая огарок свечи,

Время прошлое. Отзвуки таинств
Колыхнулись в груди у меня.
Так встречается с вечностью старость,
Больше слова раздумье ценя.

Я уйду по заснеженной дымке.
Не останусь. Зови не зови...
Буду дальше безмолвие мыкать –
До истоков добра и любви.

◆ В разбитую форточку ветер наносит листву.
На пыльном полу появляется пёстрый узор.
Я сплю и не сплю, но когда-то давно наяву
Мгновенье такое из времени выхватил взор.

Напротив окна, где когда-то белела стена,
Чернеет базальт обнажённых глубинных пород.
И только туман за подсвеченной линзой стекла,
А вправо и влево пещерная сырость течёт.

В разбитую форточку листья летят и летят –
Из небытия, из тумана, из прошлого, из...
Понять бы, о чём эти листья напомнить хотят,
Срываясь, как слёзы с туманного края ресниц.

Я здесь и не здесь, я танцую замедленный вальс.
Лицо моей дамы скрывает вуали волна.
Я знаю, что нить нашей связи давно порвалась.
Но звуки рояля припомнила вдруг тишина...

«Настроить пора пианино», – жена говорит
И в спальню идёт, прикрывая ладонью свечу.
Но в сумраке звука фальшивая нота горит,
И я почему-то её погасить не хочу...

Пусть нити судьбы превращаются в нити тенёт.
Пусть белые стены скрывают глубинный базальт.
Никто никогда никому ничего не вернёт.
Нет прошлого, нет настоящего – листья летят.

- ◆ Тянется поезд упругой пружиной разгона,
И отплывают вдвоём под старым зонтом
Мать и отец, отражённые в лужах перрона...
Мать напоследок мой путь осенила крестом.

Этот сюжет, напряжённым захваченный взором,
Врезанный, как фотоснимок, в раму окна,
Диагонально размытый дождливым узором,
В памяти так и остался на все времена...

Поезд летел сквозь завесу июльского ливня...
Шли старики по набухшим лужам домой...
Путь этот ныне мне кажется длинным-предлинным.
Через полгода увидимся снова зимой.

Им до вокзала невмочь уже станет добраться,
Будут болеть и делить остаточки сил.
Всё безнадежнее вести приходят из Братска.
Бог не поможет, хоть круглые сутки проси.

Вновь без надежды я Бога призвал на подмогу...
Солнце к закату клонил измотанный день.
Вдруг я заметил: по тени моей на дорогу
Пала легчайшая крестообразная тень.

Более лёгкая тень на густеющей тени –
Словно неясный во мне явился просвет...
Света каркас как опора в слабеющем теле...
Матери образ, крестом осеняющей вслед.

Годы тянулось прощание долгое наше...
Встречи дорога ведёт теперь на погост.
Путь этот тягостный сердцу и разуму страшен.
А для души осенённой понятен и прост.

- ◆ Этой бритвой я брил отца.
Перед смертью. В последний раз.
Помню складки его лица.
И больничную блеклость глаз.

Я сегодня бритву достал,
Через год рука не дрожит...
Перед зеркалом в спальне встал.
Жизнь отец мне дал, чтобы жить.

Это бритва его жужжит,
И в лице моём лик отца...
Там, где память моя кружит,
Ни начала нет, ни конца.

◆ Время вышло,
Захлопнуло дверь сквозняком,
Грохнув так, что посыпалась известь,
И летит громыхающим порожняком
Лёгкий поезд безвременной жизни.

Время вышло,
Ненужные стрелки крутя,
И, счастливо забытые в дрёме,
Параллельно земле
Замерзают потоки дождя,
Словно поезд застыл
На почти вертикальном
Подъёме.

◆ Светло. Как светло и покойно в берёзовой роще.
На кладбище свет по-особому густ и текуч...

На чёрном надгробье пера белоснежного росчерк,
Неведомой птицей оброненный с бархатных туч.
Наверное, это каких-то поверий примета...
А может быть, знак для случайных внимательных глаз.
Я надпись читаю: «Пока не закончилось лето,
О смерти не думай...» – и в сердце пиявка впилась.
Какое число? Что за месяц? Откуда я взялся
На этом погосте, где в свет обращается мгла?
Не жалостный вздох – ветерок над могилой промчался:
Воронье перо с белой глыбы рука подняла.
Пора бы очнуться... И с медленной ждущей улыбкой
Я трогаю камень, но чувствую ласку воды...

На кладбище вечность не зря представляется зыбкой:
Здесь за ночь травой зарастают прохожих следы.

◆ Календарный листок оторви:
День исчез, не оставив следа?
Это значит – прошёл без любви.
Поглотила любовь суета?

Это значит – забыл обо мне,
По-запойному время глуша.
Что – не спится в ночной тишине?
Это я беспокою – душа.

Календарный листок как итог –
Слишком скудный удел для души.
Где природы ликующий вдох?
Где искусства волшебный глоток?
Где нечаянной встречи восторг?
Где домашнее счастье? – Скажи...

Дни за днями уносятся вдаль...
Как берёзка в осеннем окне,
Облетел отрывной календарь.
Я – душа. Ты забыл обо мне...

◆ Просто ветер лист прилепил к стеклу...
Что же мнится мне в этом чей-то знак –
Будто ночью кто подошёл к окну,
Да не смел позвать?

И остался лист, как ладони след,
А за ним – звезды запредельный взгляд...
Может, ветра свист, может, ливня бред
Поманил назад...

Утро встретило – всё стекло в слезах,
Тень листа плывёт по моей стене.
Кто-то в эту ночь не сумел сказать,
Как он нужен мне.

◆ Было любви – море.
Стало любви – лужа...
Истины нет в споре,
Кто зачерпнул глубже,
Если мои чувства
Вычувствованы впустую –
Жертвою для искусства,
Требующего таковую.

Не причинив боли –
Не сотворишь драмы:
В рану – щепоть соли,
Чтобы навек – шрамы.
Я на твои скалы
Волны бросал в приступ.
Было тебе мало,
Чтобы открыть пристань?

Пристань. Покой. Нежность.
Море – у ног коврик...
Но, как в кино нежить
Жаждет живой крови, –
Плотно закрыв шторы,
Жгла до утра свечи:
Жаждала ты шторма,
Но не штормит вечно.

Волны любви стали
Колки, как лёд в стужу.
Выплескались, устали...
Чайкой вокруг лужи –
Кружишь, кричишь: мало!
Много зато – соли.
Если любовь – драма,
Занавес – путь к воле.

◆ Значит, думала ты обо мне,
Если сердце моё без причины
Словно против меня ополчилось,
Наливаясь тоскою извне...

Говорил же, что слово моё,
Первым будучи, станет последним;
Мне не нужен для муки посредник –
Я и так ощущаю её –

Как осколочный звон в тишине,
Как болотную зыбь под ногами,
Как разлуку реки с берегами,
Если думаешь ты обо мне.

Если думаешь... думать забудь,
Я уже на ответ не способен.
Пережатой аорте подобен
Перекрытый ошибками путь.

*«День вечереет...»**Ф. Тютчев*

Над Ангарой лучей закатных веер
Пробился сквозь густые облака.
Играет огненными бликами река,
Как пламенной листвою осенний ветер.
И память отражает этот вечер
В давно минувшем – так издавека
Смотрю назад, как будто я расстался
С самим собой на истечение дня,
Предчувствиями душу леденя,
Когда, отстав от поезда, остался
В перронной суете одной из станций,
Где тень любви окликнула меня...

Листва в лучах закатных пламенела,
И ветер гнал её, срывая, вдоль путей.
Перрон, недавно людный, опустел...
Душа, коснувшись тени, опустела...
С тех пор почти что вечность пролетела,
Не подавая о былом вестей.

Свернула ночь лучей закатный веер.
Дробит на стрежне лунный свет река.
Но память слишком к прошлому близка,
Чтоб погасить давно минувший вечер,
Откуда я иду себе навстречу
Сквозь времени густые облака.

НОЧНОЙ ПАСЬЯНС

Лишь закрываешь глаза в поезде на ходу
И отступаешь на шаг по коридору дней,
Кажется, попадаешь в замкнутую среду,
Где под ногами топь с кочками мыслей в ней.

С кочки на кочку прыг, с кочки на кочку скок,
Только притормозишь – в воду основа хлюп.
Вроде бы углядишь в мареве островок,
А подберёшься вблизи – это тумана клуб.

Рельсы за стыком стык тянутся сквозь тайгу.
Мысли за стыком стык – через болото гать.
Можно у костерка прямо на берегу
Жизни своей расклад наново разыграть.

Это ложится сон рядом с тобой в постель –
Преданнее, чем друг, ласковей, чем жена.
Кажется, из тайги вырвался поезд в степь.
Кажется, что душа жизнью не сожжена.

◆ Эта женщина – Осень...
Её золотистые волосы,
Заплетённые в косу,
Подобную спелому колосу,
Омела седина,
Опечалив глаза её синие,
Как туман-пелена
С предморозными блёстками инея.

Эта женщина – Осень...
И каждый, кто к ней прикасается,
В сердце с грустью уносит
Загадочный образ красавицы,
Что прохладно-чиста,
Как в реке отражённая просинь.
Лишь на влажных устах
Задержался рябиновый отсвет.

Эта женщина – Осень...
И, словно цветенья наследие,
Ей судьба преподносит
Тепло возвращённое летнее.
Пусть доносит молва
Предсказанье о женщине зимней.
Только ярче листва,
Обрамлённая в утренний иней.

РОМАНС

В этом обморочном саду,
Где листвы ниспадает шёлк,
Я по лунным теням бреду –
На душе хорошо.

Где-то здесь затерялся след
Нашей встречи на посошок,
Но печали и капли нет –
На душе хорошо.

Как плыла в облаках луна,
Как ласкал тишину рассвет...
Есть обратная сторона
У любви, но у жизни нет.

Я по жизни своей бреду,
Забывая зачем пришёл...
В этом обморочном саду
На душе хорошо.

ПЕСЕНКА

Если любовь ушла,
Значит, она была,
Значит, она цвела
В ясных лучах тепла.

И подводя итог,
Не вырывай цветок,
Пусть он растёт вдали,
С грустью, что мы ушли.

На лепестках роса,
Светится, как слеза.
Пусть наплывает пусть
Лёгким туманом грусть.

Может, он будет ждать,
Чтобы пришли опять.
Может, любовь и есть,
Только не здесь, не здесь.

◆ Я пью один. Печаль такая,
Что даже музыка слышна
Который час, не умолкая,
Из потемневшего окна
Напротив. Я давно там не был,
А если взгляд издалека
Бросал, то видел только небо
И медленные облака,
Втекающие, словно в устье,
В сквозную комнату её...
Я пью один. И в чаше грусти,
Как птица, музыка поёт.

◆ Я в ту же воду вошёл, что и ты,
Но четыре года спустя...
«Ах, в ту же воду, — сказала ты, —
Дважды войти нельзя».

Но я вошёл в ту же воду, что ты
Четыре года назад.
Закрыв глаза: в ней стояла ты
И мне смотрела в глаза...

И что с того, что с тобой не я
В эту воду входил.
И что с того, что любовь твоя
Теперь уже позади...

Но я вошёл в ту же воду, что ты
Четыре года назад.
Открыл глаза: в ней стояла ты
И мне смотрела в глаза.

И берег растаял, как лёгкий дым,
И небо с водой слилось.
И в то же небо вступили мы,
В котором всё началось.

Где всё едино, и время где
Тает, как лёгкий дым.
Так мы купались в одной воде
Двух времён посреди.

◆ Этот миг сохраню... Отныне,
С новорожденной на руках,
В раме рифмы, как на картине,
Ты останешься на века...

И от этого дня и часа,
От роддомовского окна, —
Как нам верится, что для счастья
Наша дочь рождена.

Под иконами светлых окон
Словно молятся мужики!
А мадонна заправит локон
Под косынку, и жест руки,

За стеклом проплывая талым,
Сердце нежностью обольёт.
И улыбка, и взгляд усталый...
И покрывший дорогу лёд.

И в начале дороги этой
Первый образ коротких встреч —
Лишь оглянется — чутким светом
Будет душу её беречь.

◆ Это просека света в густой темноте –
Млечный путь фонарей придорожных.
Хорошо сквозь стекло лобовое глядеть –
И лететь, забыв осторожность.

Пусть закурит шофёр, локтем руль придержав...
На бугре ледяном покачнётся автобус,
И за млечным путём обозначится шар,
В ореоле свечения похожий на глобус.

Это логика света студёной зимой
Непутёвую жизнь на мгновенье затмила.
Значит, всё же летим! Возвращенье домой
Обретает значение цельности мира.

Под мостом на лету электричка мелькнёт,
Словно трасса огней на посадочном поле,
И в созвездье окраин автобус нырнёт,
И водитель названия улиц напомним...

Дверь домой отворю – сразу сдвинется с мест
Всё, что тихо ждало моего возвращенья.
И – как грешник целует протянутый крест –
Дочь целую, как будто нуждаюсь в прощенье.

ПЕРЕМЕНЫ

Время первых холодных дождей,
Время грустных любимых людей,
Время необъяснимых потерь...
Всё короче становится день.
Всё бессмысленней кажется мысль
О возможности двигаться ввысь:
Синь растает в глазах без следа,
А за нею – опять пустота...

Плакать стыдно,
и слёз не сдержать –
Опадает слезами душа...
А на слёзы, замёрзшие в лёд,
Снег как новая жизнь упадёт.
Снег – как новая, чистая жизнь,
На которой ни ржи и ни лжи...
Затаивший дыхание мир,
Ты ли так бушевал и штормил?!

С первым следом начнётся тропа,
Город серостью дышит на свет...
Как ненужная скорлупа,
Снег отбросится по весне.
Ах, упругая юность земли!
Обновлённые чувства остры...
Что на крыльях скворцы принесли? –
Прошлогоднее – на костры!

Не начало и не конец –
Середина всему закон.
Это кто там верхом на коне?
Кто он?

Как он строен и как красив!
Ветер в гриву коня вплетён!
Он в расцвете любви и сил.
Кто он?

Так знакомы его черты,
Будто памяти дан разбег...
Отчего же грустнеешь ты?
Что открылось тебе?

Время первых холодных дождей...

◆ Вчерашний день! – случайное вчера
Среди закономерных дней неброских.
Какая ослепительная роскошь!
Закат сверкнул на кончике пера.
А если бы задуматься?

Пора

За каждым днём признать такое право:
Сверкать в минувшем бережной оправой –
Цветком любви, соцветием добра.

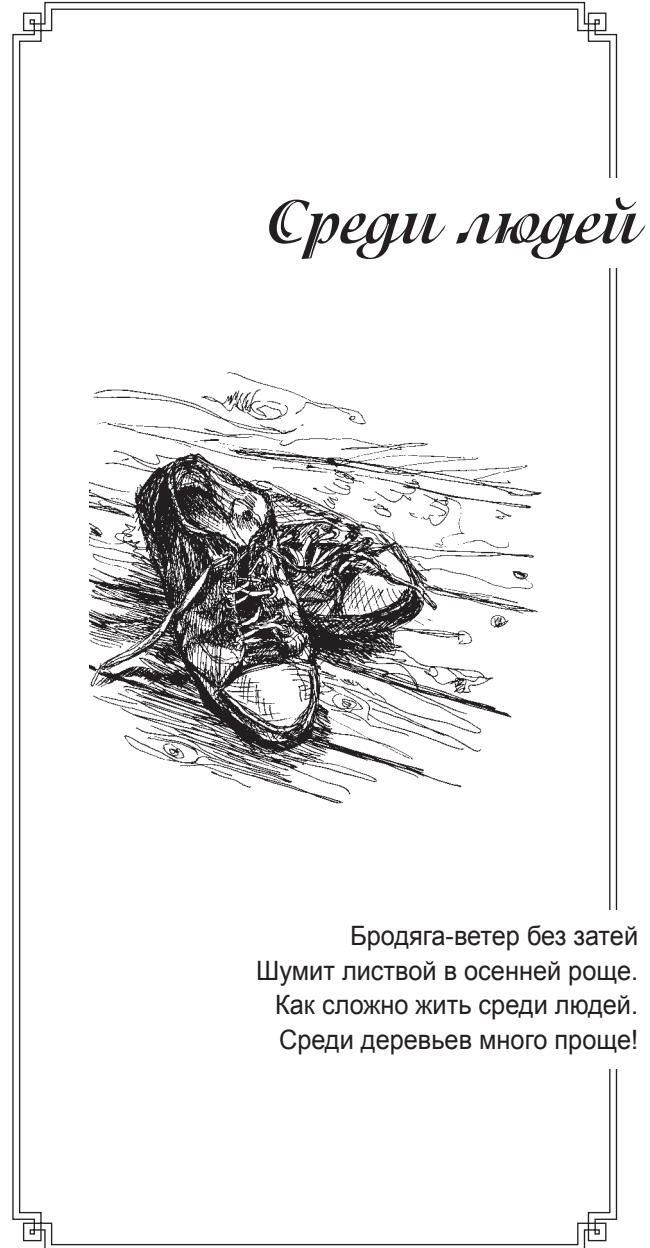
◆ После пыток сердечных и паток,
Расточаемых вешней гульбой,
Тихо-тихо, как осень в распадок,
Пробирается в душу любовь.

Лишь пронзительней ясная просинь
Там, где пламень листвы горячей...
Ветер пригоршню золота бросил
Дозвенеть в родниковом ключе

И затих. Никому не известно,
Что за дни наперёд суждены.
Примеряет мониста невеста
Перед зеркалом полной луны.

Плод запретный всё менее сладок.
Всё прозрачней заветная даль.
Тихо-тихо, как осень в распадок,
Пробирается в сердце печаль.

Так любовью просвечены души,
Так печалью сердца смущены,
Что уже ничего не разрушит
Половодье минувшей весны.

Среди людей

Бродяга-ветер без затей
Шумит листвою в осенней роще.
Как сложно жить среди людей.
Среди деревьев много проще!

- ◎ Я камешек поднял.
Его подержал на ладони.
Он принял тепло от меня, как от Солнца, от Бога.
Мерцающий луч, рассекая пространство на доли,
К нему устремился,
И камешек мой на ладони
Улёгся удобней
И стал тяжелее немного.

Его положил я Земле на холодное темя
В конце октября,
В тишине предзакатного часа
Его положил я на место.
И долгое время
От серых собратьев
Он чем-то моим отличался.

- ◎ Возьми метафору и натяни струной
От рифмы к рифме нотою певучей,
От слова к слову запусти волной
Перетеканье внутренних созвучий...

Вот так журчит по камешкам строка,
Природой зарифмованная в русло
С таким простым названием – река.
Не это ли поэзия по-русски?!

Нет! Это только внешние черты,
Легко перетекающие в чувства.
От простоты лишь шаг до пустоты –
И в этом искушение искусства.

Ведь есть ещё и суть, и жизнь воды,
Есть воды жизни, есть река забвенья,
Вода хранит минувшего следы,
Хоть видимы они одно мгновенье.

Прислушайся к журчанию строки,
К аккорду зарифмованных метафор.
Они просты, как след живой руки
На узком горле допотопных амфор.

- ◎ Он жил в тайге... Уехав, затужил.
«Я, – говорит, – Серёга, оплошал.
Что делать телу в городе, скажи,
Когда в тайге оставлена душа?»

Он разливает водку не спеша,
Мне полстакана, а себе чуть-чуть:
«С тех пор я полной грудью не дышал,
Живу не чувствами, а как бы тенью чувств...

Размяк от батарейного тепла.
Ты пей, Сергей, а я глоток – и ша...
Смотрю в окно, как белка из дупла,
На этот мир с восьмого этажа.

Здесь краски все как будто съела ржа.
Бетон домов, шоссе, карьера срез...
А дальше – видишь? – вороны кружат:
Ублюдки в свалку превратили лес.

Да и не лес, а чахленький лесок,
В деревья въелась копоты парша.
Ах, мне в тайгу хотя бы на часок
От этого уныния сбежать!

Куда сбежишь – здоровья с гулькин нос.
Живу, как мышь, в квартире копошась.
Уж лучше бы работать на износ,
Чем водку было пить, тоску глуша.

Теперь и водка мне не хороша...
Тебе пора? Спасибо, что зашёл.
Поговорить-то не с кем по душам,
Всем в городе, представьте, хорошо!

А ты, Сергей, я знаю по стихам,
И сам бы рад скорей в тайгу сбежать...
Да, знаю, знаю, жизнь не так плоха,
Как взялся я её изображать.

А посему не надо утешать...»
Я вышел, оглянувшись, уходя,
На два окна восьмого этажа
Сквозь пелену осеннего дождя.

Он жил в тайге... И мне случилось жить.
Не молод сам, но в памяти свежа
Тропинка, по которой тянет нить
Воспоминаний благодатных душа.

- ◎ Вдоль залива, где простором
Вал байкальский бушевал,
Чтоб не смыло мысы штормом,
Из камней навален вал.

Человечьими руками
От обвалов ближних гор
Был доставлен этот камень
До байкальских берегов.

Глыба высится на глыбе
От берёз до бездны вод.
И Байкал то волны зыбит,
То с размаху в глыбы бьёт.

За версту удары слышно
В прибайкальской тишине.
Волны рвутся выше, выше
По уступам из камней.

Разбиваются на брызги,
Отступают, грохоча.
То ли стоны, то ли визги
В их бессилии звучат...

На камнях истратив лихо
Мощь начальную сполна,
В глубине залива тихо
В берег плещется волна.

- ◎ А ты опять о смысле жизни,
Товарищ мой, твердишь печально.
Смысл жизни нами обесмыслен,
Хоть был неясен изначально.

И никуда теперь не деться,
Коль сороковник за семнадцать.
Но разве нас учили в детстве
Курить и пить,
с распутством знаться?

Не спать ночами, бить баклуши,
Оставив тело без движенья...
Теперь «Спасите наши души!»
Вопим до самоуниженья.

Бежим креститься. Учим мантры.
Зовём на помощь экстрасенса.
И маним молодость обратно,
Учась тантрическому сексу...

Уже набиты под завязку
Клубком энергий неизвестных,
Но не похожа жизнь на сказку,
Но не похожа жизнь на песню.

Нет, никуда уже не денем
Мы лет пустых, пустыней ставших.
Давай хотя бы скажем детям,
Чтоб не учились жить у старших.

◎ Оторвался туман от реки
И завис, лишь краями колыхет.
Под его перламутровой крышей
Вдоль обрыва стоят рыбаки.

Протянулись удилица в ряд,
Поплавки по течению сносит,
Паутинная близится осень –
Паутинками лески блестят.

Взмахи рук – и с наживкой крючки
Вскользь плывут над водой с позолотой,
Как на тонких прозрачных тенётах
Вдаль по ветру летят паучки.

Что-то рыба совсем не клюёт,
Так досадно, хоть сматывай снасти.
Может, вместо рыбацкого счастья,
Утро души красою проймёт?

Под обрывом присев на траву,
Разглядит очарованный зритель,
Как лучей златосветные нити
Прошивают тумана канву.

Где покров надорвался слегка,
Распускается солнечный веер,
В нём качаются тени деревьев,
Набежавшие издалека.

С высоты посмотреть бы кругом,
Жаль, как птица, парить не умею:
Пар над руслом представился змеем,
Затаившимся у берегов.

На протоке гряда камыша
Закачалась и зашелестела.
Тронул ветер, и змей не спеша
Поднимает громоздкое тело.

Будто дёрнула нити рука
Подзабывшего роль кукловода,
Отрываясь, ушли облака
В беспредельную синь небосвода.

- ◎ Как гоняли вороны по-над лугом ястреба,
Он метался в стороны, прятался в кусты –
В облепиху с яркою ягодою рясною,
Что собой прекрасная, да шипы остры.

Ястреб юрк, а воронам на шипы не хочется,
Им, неповоротливым, щёлочки узки.
Я-то знаю, колко как облепиха колетя!
Наблюдаю около с берега реки.

Покружили вороны да расселись по кругу
Колпаками чёрными, будто колдуны.
А один-то поверху всё летает с покриком,
Если вдруг да шорохи в заросли слышны.

Неуютно ястребу под вороньим приглядом,
Словно труса празднует, съёжился, затих.
Тут сороки важные, прилетев, запрыгали.
Встрепенулись стражники, отвлеклись на них.

Порх! – и нет проворного. Прозевали, вороны!
Вся ватага чёрная ринулась вдогон.
А сороки с воплями разлетелись в стороны.
В небе, как и во поле, множество сторон.

- ◎ Когда бы вдруг меня спросили,
В какой стране теперь живу,
Я так сказал бы: три России
Сегодня вижу наяву.

Одна Россия для богатых –
Нужна, чтоб кровь её сосать,
Они считают миллиарды,
В их власти недра и леса,
Им энергетика качает
В карманы золото рекой,
Ни за народ не отвечает,
Ни за страну вампир такой.

Вторая – это государство,
Страна чиновничьих зарплат,
Бюрократическое барство –
Дай волю, весь бюджет съедят,
Любой воспользуются щелью,
Народ им вовсе не родня...
Их Блок назвал когда-то черню
Его сегодняшнего дня.

Лишь обделённому народу
Россия – Родина и мать.
Народ привык свою свободу
Совсем иначе понимать.
Его свобода – это мера
Достойной жизни трудовой,
А не свобода изувера
Рвать плоть своей страны живой.

Народ не давится у входа,
Ловя дарёные гроши,

Когда свободу от народа
Правитель праздновать спешит.
Народ не верит в «телеящик»,
Где лишь юродствуют и лгут,
Пока, как должно, не обрящет
В своём правительстве слугу.

Слугой народа быть – в почёте
Осталось где-то там вдавне...
А вы – в какой стране живёте?
В какой хотите жить стране?

- ◎ Об истории судим в потоке вранья.
Может, лучше оставить в покое бывшее?
Столько кружит над прошлым сейчас воронья,
Превращая историю в кучу рванья
И бросая охапками в торжище злое...

Мир свихнулся, и правда давно не в чести,
Кто наглее соvrёт, тот народу и пастырь.
Вот и думаю я: чтоб Россию спасти,
Нам бы в нашем сегодняшнем мире обрести,
А не кликать из прошлого старые распри.

Только как это сделать, когда на кругу
Красно-белый оскал и безумные лица...
Оккупанты давно бы умолки в снегу,
Угодив под морозную нашу пургу.
Как своим разрушителям остановиться?!

- ◎ Здесь подлость мудростью зовётся,
В чести предательство и ложь.
Где звон монеты раздаётся,
Дорогу к правде не найдёшь.

У всех, конечно, семьи, дети,
Красиво хочется пожить,
И кто виной, что нынче деньги
Растут на подлости и лжи?

А честность вкупе с благородством –
Почти что к нищенству стезя.
Верёвка петлями завьётся –
Не разрубить, не развязать.

Вот и спешат на звон монеты,
Бросая совесть по пути,
Не те опричники, так эти,
Стремясь побольше загрести.

Здесь для себя нужна свобода,
Такая, чтоб наверняка.
Малейший «голос из народа»
Для них, как тряпка для быка.

Вот и народ проредить тшятся.
Но кто в народе не таков? –
Здесь каждый может оказаться
В подлейшем списке «сорняков».

Здесь негодяя в «патриоте»
Увидишь сразу не всегда...
А где всё это происходит,
Решайте сами, господа.

- ◎ Я живу перед Господом Богом.
Что мне толки двуличных людей?!
Чьё прибежище похоть и погань
Под эгидой высоких идей...

Не для них ли? – в каноны вписали,
Что дороже Спасителю тот,
Кто раскаяньем душу спасает,
Нахлебавшись своих нечистот,

А не тот, кем по совести прожит
Обозначенный Господом срок,
Чьи деяния мир подытожит
Как достойный и честный урок...

В золочённых церковных чертогах
Ощущая оскал сатаны,
Я стою перед Господом Богом
И посредники мне не нужны.

- ◎ Есть люди, которые в мрамор вырастают при жизни.
Вы слышите, как тяжело произносится:

 в мрамор вырастают...
А кажется: просто хлопочут о славе, о смысле
Усилий своих, что с течением времени тают,
Как снежная баба, которую дети скатали
От радости снежной, не зная, что всё скоротечно...
Представьте «творение» это в граните, в металле –
И вы усмехнётесь. Но так усмежается вечность
Врастающим в мрамор при жизни!
-
- Сизифовы муки
Не в том, что он так бесконечно, бесплодно, устало
Стремился к вершине, мозоля в усилиях руки,
А в том, что душа с каждым разом всё глубже врастала
В мифический камень, его наполняя значением,
Которого нет ни в одной необтёсанной глыбе...
Но камень катился с горы, обрывая вращеньем
Душевные связи, как мышцы и жилы на дыбе.
-
-
- Сизифовы муки знакомы вступающим в мрамор
На склоне судьбы, как бы цепко они ни врастали.
Напрасно учили искать утешение в малом
Те детские сны, где мы с вечной улыбкой летали.

- ⊙ В поездке едем на полках соседних.
Я краснобайствую. А собеседник
Мысли чеканит, как шаг на параде:
«Время – химера. История – сплетни».
- У собеседника вечность во взгляде.
- Вечность во взгляде... Но вечности вместо –
Дан человечеству мир этот пресный,
Ложью пропитанный до отказа,
Душам, о вечности помнящим, тесный.
- Тесный, как звёздам – цветочная ваза.
- Срезаны! Срезаны души, как астры...
Срезаны силой и волей бесстрастной...
Срезаны – вечность на срезах сочится
Временем жизни. Химерой соблазна.
- Астрами – в вазу. На вазу молиться?!
- Помня о вечности, вечности вместо
Лепим кумиров из пресного теста
Пресного мира и рушим их вскоре.
Душам, о вечности помнящим, тесно!
- У собеседника – бездна во взоре...
- Чем отличается вечность от бездны?
Вдох первозданный – от смрадного выдоха?
Как и зачем уживаются вместе?
Как говорится: вопрос интересный...
- Мой собеседник готовится к выходу.

- ◎ Прощальный взгляд – как судьбоносный знак,
Как вещий камень у излома судеб:
Пойдёшь направо – и не будешь знать
За что тебя минувшее осудит.

Пойдёшь налево – и забудешь всё,
Чего хотел, к чему стремился прежде.
Тропа прямая прошлое всосёт
И начисто грядущее отрежет.

И будут вместе солнце и луна
Стоять напротив в неподвижном небе.
Души колодец высохнет до дна.
И пыль забвенья захрустит на хлебе...

Но кто сказал, что нет пути назад?!
Прощальный взгляд бездоннее, чем пропасть.
В нём прошлого мгновения сквозят:
Восторг, печаль, решительность и робость.

В нём всё, что было. И на том пути
Из семечка, оброненного ветром,
Давно могло грядущее взрасти.
И расцвести. И отцвести. При этом

Не замечая, что нас рядом нет,
Что мы к иным отправились пенатам...
Прощальный взгляд. А в нём прощальный свет.
И ни пути, ни пристани не надо.

- ◎ В глазницу неба вплыл зрачок луны,
Слеза звезды дрожит в ресницах сосен.
Ночная птица, оперенье сбросив,
Препестной музой сходит с вышины.

Но ты во тьме её теряешь след...
Когда рассвет приоткрывает веки,
Спешишь туда, где покачнулись ветки,
По росам юных лет...

А днём молчишь, тая свою мечту
От злых насмешек будничного мира.
За пазухой придерживая лиру,
Ночной поэт – немеешь на свету.

И отвергаешь правила игры,
Которыми полёт фантазий сужен...
Самообман самозабвенью нужен,
Как скорпиону – яд его иглы.

◎ «Кто мне нужен? Кому я нужен?» –
Хрипло кашляет патефон.
На пластинке заевшей кружит
Пыль забытых уже времён...

Кто пружину завёл навечно?
Кто сомнение записал?
И заело-то, как нарочно,
Там, где чёрная полоса...

Голос, как листопад, простужен
В растревоженной тишине.
Мне не важно, кому я нужен,
Если кто-нибудь нужен мне.

Я не стану звонить и письма
В ящик пачками опускать.
Ни во веки веков, ни присно
Не укажет моя строка

На того, кто мне нужен так же,
Как созвездиям тёмный фон...
Зря, пластинку вращая, страждет
Пылью кашляющий патефон.

◎ Ветрено. Пасмурно. Стыло.
На сердце смута и хмарь...
Кошка и та приуныла,
Хоть бессловесная тварь.
Свет отключили. Работа
В спящем компьютере ждёт.
Это кому-то суббота,
А у меня-то – цейтнот.

С кошкой вдвоём коротаю
Этот безрадостный день.
Древние мифы читаю,
Время сквозь строки продев.
Смятые смутные мысли
Бродят, как опий в крови,
Не будоража – о смысле
Жизни, работы, любви...

Тупо листаю страницы,
Гонят же греки пургу!
Самое время напиться
В узком кошачьем кругу!
Сало готовить не надо.
Хлеб зачерствел – не беда.
В банке остатки салата.
Только... бутылка пуста!

Надо же, выпили в среду
Даже энзэ сгоряча.
Но в магазин не поеду!
Вечер. Темнеет. Свеча.
Смутные мысли о смысле
Жизни, впрессованной в быт...
Свечку задую и выплюсь.
Кошка давно уже спит.

- ◎ Всё меняется, пусть не к лучшему
(Хэппи-энды есть лишь в кино),
Всё меняется, и не скучно нам:
Бах по темечку – и темно.

Но отдышишься – и прояснеет:
Это ж просто жизнь бьёт ключом!
Перемен висят гроздья рясные –
Пахнут манящим калачом.

А приманишься – и обманешься.
Будет горечи полон рот.
Не туман в глазах, а туманище –
Где увидишь тут поворот?!

Только тишь да гладь установится,
Только схватится ряской пруд.
Бомба новая бахнет новостью:
Всё меняется там и тут.

А захочется жить со скукою
И не ведать что-где-когда,
Нелюдимом стань, скучной букою
И наплюй на все города.

Пусть в деревне-то выжить не на что,
Хлеб насущный Бог даст нам днесь.
А заявятся старость с немощью –
Окно шторками занавесь.

- ◎ Вот кошмар-то случился ночной:
Вдохновение с буквой одной.
Вдохновился, а буква одна
Мне дана, как в постели жена.
Как поэту несчастному быть?
Остаётся несчастному выть,
Разгоняя душевную тьму,
Если, скажем, останется с «у».

А какое отчаянье в «а»,
Если вовсе исчезнут слова.
Чувства разные – до одного –
Низведёт к удивлению «о».
И каким я явлюсь для молвы,
Затянув несусветное «ы».
Даже «и», хоть и лезет в строку,
В одиночестве хуже «ку-ку».

О согласных вообще промолчу,
Я же ими язык смолочу.
«Бэ», «вэ», «гэ», «лэ», «мэ», «нэ» и тэдэ,
Да ещё без спасительной «э» –
Как на капли разбитая ртуть.
Лишь шипящие можно тянуть.
Но ведь жутко представить в тиши
Бесконечные «ж-ж»-и или «ш-ш»-и!

И в досаде на букву одну
Я с досадой взглянул на жену.
Сколько женщин прошло стороной,
Пока спать я ложился с одной!
Если б с разными выпало спать,
Сколько мог я стихов написать,
Вдохновляясь от новых подруг!
Скучен публике верный супруг.

У другого поэта завал
Тех, кого целовал-миловал,
Миловавших поэта в ответ
И в стихах свой оставивших след.
Что же я одну тему тяну –
Про любимую, но про одну.
Даже в снах пребывая с женой,
Докатился до буквы одной.

Вот сейчас поднимусь и уйду,
И найду для сюжета... звезду!
Но жена, оказалось, не спит.
– Посмотри на меня, – говорит.
И, прикончив кошмарную ночь,
Одеяло отбросила прочь.
И такой тут пошёл «алфавит»,
Весь как есть завитками увит!

◎ Где байкальских льдинок свалка,
Найден лифчик ледяной.
Знать, байкальская русалка
Не поладила с волной.

Две прозрачных круглых чаши
Так заманчиво блестят,
Мы примерили на Сашу,
Оказался маловат.

Знать, русалка – невеличка,
Жаль, что некого спросить.
Да ещё нужна привычка,
Чтоб на теле лёд носить.

Лифчик мы вернём – не жалко,
Положив на чистый лёд.
Может быть, его русалка
Нынче ночью заберёт.

- ◎ Я кричал, что хочу тишины,
Что друзья мне уже не нужны,
Что семья – не очаг, а тюрьма...

Так, наверно, и сходят с ума.

Я об этом кричал в тишине,
И друзья не являлись ко мне,
И семья мне не застила свет...

Но слышался чей-то ответ:

«Тишины ты не вынесешь, друг,
А семья – твой спасательный круг,
Потому что друзья без следа
Исчезают уже навсегда».

Это сердце толкалось в груди,
И к друзьям отправляло: «Иди»,
И к семье возвращало: «Спеши», –
Пока стёжки-дорожки свежи.

Я на камень присел у реки.
Не настолько пути далеки,
Чтобы мчаться, как ветер, спеша...

Покричал – и отмякла душа.

- ◎ В дебюте наших отношений
Я совершал ходы беспечно,
Ведь головой вертела шея,
Которой ты была, конечно.
Я миттельшпиль спасти не чая,
То отдавал коня за пешку,
То, снисходя к твоей печали,
С ходами выгодными мешкал.
Когда же в эндшпиле мелькнула
Мне неожиданно удача,
Ты короля с доски смахнула
И мне на грудь упала, плача.
Всё шло, я точно помню, к пату:
Не поражение, не победа.
Зачем на грудь мне было падать?
О чём хотела ты поведать?
Поплавав, скрылась без оглядки.
Другому голову морочить?
Твоя игра грустна, как прятки,
Когда никто искать не хочет...

- © Вот и снова дела меня в поезде мчат,
Вновь колёса на стыках настырно стучат.
Но – ура! – повезло: я в «отсеке» один,
Как порой говорят, сам себе господин.

Я спокойно вожу по бумаге «пером».
Вдруг заходит ко мне проводник... с топором.
В белоснежной рубашке пришёл налегке,
Топорище надёжно сжимает в руке.
Он спокоен и взгляд у него деловой,
Поднимает топор над моей головой...
А топор-то большой, а топор-то блестит.
Я от лезвия взгляд не могу отвести.
Закалённая сталь, сразу видно, остра.
Уж, наверно, острее, чем шарик «пера».

Впрочем, есть у меня уже опыт такой:
Шёл по узкой тропинке дремучей тайгой,
Мне дорогу мужик с топором заступил,
Взгляд такой, будто тысячу душ загубил.
Мне удар отвести верный посох помог,
И топор отлетел, мягко торкнувшись в мох.
А мужик отшатнулся и кинулся в лес,
И в лесу, словно призрак, мгновенно исчез.
С той поры по тайге я с оглядкой хожу
И топор или нож наготове держу.

Но плацкартный вагон это ж вам не тайга!
Авторучку крепче сжимает рука.
На мгновенье представил мне видимо взор
Белоснежной рубашки кровавый узор.
И решение мелькнуло: чтоб зря не пропасть,
Нужно вправо склониться и на пол упасть,
А потом под коленку удар нанести –
Авторучка – не нож, но сумеет спасти.

Проводник не торопится – взгляд деловой,
Он проносит топор над моей головой...

Бог отвёл, что унял я защитную прыть.
Оказалось, он форточку хочет закрыть.
Заедает фрамуга, и без топора
Будет дуть мне из щели всю ночь до утра.
Щёлк защёлки успешный финал возвестил.
Проводник наконец-то топор опустил.
Я спасибо сказал. Я остался один
С авторучкой в руке сам себе господин.
И ещё до того, как наладился спать,
Я историю эту успел записать.

Дробный стук проминающих стыки колёс
До Читы, вычитая прогоны, донёс,
Стрелки пересчитав, у перрона затих...
«До свиданья», –
сказал, проводив, проводник.

◎ Полнолуние. Ночь вторая.
Шторы степлером скреплены.
Жизнь по клеточкам отмирает
Под зеркальным лучом луны,
Выцветает, как фотокарточка,
Выдыхается до пузырька...
Сердце хлопает хлипкой форточкой
От вселенского сквозняка.
Полнолуние – полновластие
Душу давящей тишины.
Даты вычеркнуты фломастером.
Шторы степлером скреплены.

☉ Все дороги, которые я выбирал, Непременно вливались в одну. И какую бы карту я в руки ни брал, Находил только эту страну.

Я в мечтах возносился в высокую высь,
Но опять, как по мёртвой петле,
Все подъёмы кончались обрывами вниз,
И встречали меня на земле

Тот же путь, тот же дом,
 тот же мир, тот же лад,
От которых я рвался уйти.
И тогда я решил, что дорогой назад
Можно далее достичь впереди...

Я теперь без конца возвращаюсь домой,
В паутине путей заплутав.
И встречают меня: дом – как будто не мой,
И отчизна – как будто не та.

Заколдованный круг, колдовское кольцо,
Колокольцев магический звон...
Ветер с дальних гольцов
пахнет снежной пылью
Даже в летний полуденный зной.

Я и дома тоскую по дому теперь
(Кто там ходит, снегами скрипя?)
Не увидеть бы только в открытую дверь
Потерявшего время – себя...

- ◎ Горькой пылью припорошена
Глубина тоскливых глаз.
Ничего с тобой хорошего
Не получится у нас.

Будто долга, ласки требуешь,
Только мне и днём с огнём
Не решить шарады-ребусы
В прошлом-будущем твоём.

Где-то спят твои задолжники
После брани и гульбы.
Ты меня взяла в заложники –
Выкуп требовать с судьбы?!

Ну, так это воля случая –
У судьбы лихой торжок.
Колесо её скрипучее
Провернулось на вершок...

Снова смотришь настороженно:
Далеко ли убегу?
Только я как конь стреноженный
На заснеженном лугу.

Кровь остыло в сердце торкает.
Путы сбрось... Неровен час...
На кого пороша горькая
Вихрем вырвется из глаз?

- ◎ Будто не понимаешь,
Как острия остры,
Страшную дань взимаешь
Ты за свои дары.
В этом на рок похожа,
Женщиной роковой
Можешь назваться, множа
Нимбы над головой
Мучеников нелюбья
И страстотерпцев лжи.
Раны, стигматы, струпья...
Память повороши
И не дари дарами
С вложенным остриём.
В этой сакральной драме
Выжить нельзя втроём.
Кто не предаст – ответит
Гибелью на призыв.
Гибнет не лишний третий...
Лишний в финале – жив...

Выждешь, дождёшься, выйдешь –
Щедрая на дары.
Видишь или не видишь,
Как острия остры?

- ◎ Жестокость бессилия это не сила жестокости,
Но в чём-то она для столкнувшихся с ней и страшной...
Ведь легче неожиданная рана, пусть даже и до кости,
Чем соль, по крупице надсадно саднящая в ней.

И люди, однажды попавшие в сети бессилия,
Капризно жестоки ко всем, кто сильнее, чем они...
И ждут сострадания, требуют жалости – символа
Вины перед ними – от тех, кто не чает вины.

Ночные звонки, несусветные планы, истерики,
Призывы приехать, угрозы покончить с собой...
И ты в сотый раз на себя примеряешь растерянно:
Что делал бы ты, оказавшись с подобной судьбой?

- ◎ Как улица глуха!
Ещё не вечер,
Но в окнах пусто,
Форточки закрыты –
Немые рты квартир.
И звук шагов,
Как иней,
Осыпается по следу,
Скрывая след.
Так долго прямо, как –
Натянутой струной,
И слишком поздно
Сворачивать...
Какой-то вещий сон,
Какой-то опыт –
Предзнаменование
Моих шагов.
Но, обернувшись, вижу:
За мною Некто
Быстро и сутуло
Идёт
И исчезает во дворе –
Так прячут взгляд,
Засовывают руку
За пазуху,
Нащупывая нож...
И вдруг темнеет,
Улица воткнулась
В глухой забор.
Я повернулся и...
Я вспомнил всё,
Но поздно,
Слишком поздно:
Меня уже не ждут...
Другая жизнь.

- ◎ А машины боятся грома:
Только грянули небеса –
Завопили авто вдоль дома
Да на разные голоса.

В полированных макинтошах
Иномарки, десяток в ряд,
Заливаются всё истошней.
А раскаты сильнее гремят.

Вспышки молний – и фары блещут,
Как испуганные глаза.
Плети ливня по крышам хлещут,
Похохатывает гроза.

Разлетаются брызг фонтаны –
Их подсвечивает закат,
На полоске его багряной,
Будто фары, лучи горят.

- ◎ По Ангаре диван плывёт,
На нём сидят пять грустных чаек.
Как будто льдину в ледоход,
Диван течением качает.

Сюжет в «Мобильный репортёр»!
Но у меня «смартфона» нету.
И без него я до сих пор
Хожу-брожу по белу свету.

Пока диван плывёт в туман,
Грустя – как парус одинокий,
Я думаю: какой болван
Его отправил в путь далёкий?

По Ангаре плывёт туман,
Скрывая странную картину,
Обжитый чайками диван
Упрётся в Братскую плотину.

- ◎ Приехали к берегу трое на «Volvo»,
Людей распугали, по пляжу промчавшись.
Из города вырвались парни на волю,
В том городе злобном слегка одичавши.
Приехали, настужь распахнуты дверцы,
В салоне гремит магнитола усердно.
Они не байкальцы, они – иноверцы:
Ни волн не услышат, ни чаек, ни ветра.
Дымится в зубах оверблуженный «Camel»,
Стоит упаковка «Brand Up» на капоте
(Голландское пиво – для тех, кто не в теме),
И сразу мобилы в активной работе:
– Я тут на Байкале с Коляном и Михой...
– Я тут на Байкале с Васьком и Коляном...
– Нормально! По пляжу проехались лихо,
Лохов шуганули, накрыли поляну...
- И ходят кругами, и смотрят под ноги,
И пиво сосут, и бросают окурки.
О, где вы, байкальские древние боги?!
Зачем оказались здесь эти придурки?
Часок покурчавились и укатили,
Оставив пустые бутылки на пляже.
Спасибо ещё, что, глумясь, не разбили
И в воды Байкала не бросили даже.
- Таких, как они, приезжает немало:
Как будто в скафандры их души одеты!
Им берег Байкала всего лишь «поляна»,
На фоне эффектным накрытая щедро.
Уедут, откушав и пьяно, и сытно,
Вдоль мусорных куч... Но мне хочется верить:
Им станет когда-нибудь больно и стыдно
За их пикниками измученный берег.

- ◎ Стаю воронов выдохнул лес.
В комариный занозистый зуд
Космы сосен свисают с небес.
Корни змеями в землю ползут.

Стартер дёрнула чья-то рука.
Взвыло времечко бензопилой.
Космы крон заплелись в облака.
Корни мускулы рвут под землёй.

Чёрным вихрем стволы унесло.
Воздух пахнет озоном и злом.
Кроны в небе висят тяжело.
Заплетаются корни узлом.

Город юности вырос на пнях,
Выйдешь ночью – попутает бес,
Заплутаешь в ползущих корнях,
В чёрных космах, растущих с небес.

- ◎ Вот мы так долго, так долго, так долго жили...
Мы совершили так много, так много, так много зла,
Что накопилось его, на земле, как пыли –
По дорогам, по крышам, по плинтусам, по углам.
- Да, сейчас за пазухой подлости не несём мы.
Просто идём да идём себе по планете с тобой, пыля,
Но в песок превращаются чернозёмы
Под шагами, и, как от подземных взрывов, гудит земля.
- Долго жили, да долго ли жить нам ещё осталось?
Почему-то нас это с тобой не давит, не тяготит.
Растворяет тревогу в себе усталость:
Будь что будет – земля не выдаст, Господь простит.
- Кажется, что мы просто идём, но ведь мы уходим,
Чтобы в том убедиться, закрой глаза, досчитай до ста.
Каждой твари по паре на пароходе,
Но на этот раз ему просто некуда будет пристать.

- ◎ Иду, не вглядываясь в лица,
Как будто внутренне ослеп.
Опомниться, остановиться...
- Старушка крошит чёрный хлеб
На люк, оттаявший от снега,
И голуби летят на зов.
В её глазах – все тайны неба,
Прочитанные от азов
До вечности. В её морщинах
Пережитого терпкий путь.
Я, здравомыслящий мужчина,
Готов к ней руку протянуть
За чёрствой крошкой. Но таится
В душе надменность гордеца.
- Иду – не вглядываясь в лица.
Живу – не чувствуя лица.

- ◎ Душа моя сегодня так слаба,
Так неохотно держится за тело,
Как будто жизнь – наскучившая тема,
И вся как есть исчерпана судьба.

Погода – хмарь. Природа – наголе.
Светило свет не льёт, а сыплет пылью.
Повесив клюв, топорщит ворон крылья,
Он сыр и – сер, как уголья в золе.

Отвратен звук шагов и шорох шин.
Поток людей – как сточных вод движенье.
И серости унылой в довершение –
Брезгливое бессилие души.

Ну, хоть бы ветер выхлестнул кнутом,
Ожёг в сердцах, заставив сердце биться,
Сорвал личины, стиснувшие лица,
Взвихрил листву, лежащую пластом.

...Пешком отмерил восемнадцать вёрст,
Не лезть же в этот пыточный автобус,
Где люди, в ожидании озлобясь,
Как сельди в бочке, стиснуты внахлёст.

Минуя дом, шагаю к Ангаре.
Кому зачем в таком я виде нужен?
Спытать решаю собственную душу.
Ну что, душа, участвуешь в игре?

Легко порвать истрёпанную нить
И вырваться из тела на свободу...
Я раздеваюсь и бросаюсь в воду,
Не зная, сколько выдастся проплыть.

В груди взошёл от холода воды
Посев железный, как писал Овидий.
Душа рванулась прочь, и я увидел
Себя её «глазами» с высоты.

Потом ещё один – сторонний взгляд
Явил мне разом (не сочтите чушью):
Меня в реке и над рекою душу
Зависшую – как ангелы парят.

Не знаю, что решалось в этот миг,
Какая невзначай вмешалась сила,
Когда меня течение сносило
От серых пут тоски в тенёта тьмы.

Вдохнула грудь – железо не в чести!
Лучи пронзили треугольник взглядов.
И словно кто-то оказался рядом,
Мне помогая к берегу грести.

Когда доплыл и вышел – с плеч гора!
Такой восторг – душа до слёз омыта,
Полна энергией и вдаль и вширь открыта.
С такой душой спешить домой пора!

И в небе ворон выкрикнул: «Ур-ра!»

- ◎ Разожгу костерок на замшелых камнях
На краю глухомани таёжной;
Скоро, скоро твой голос окликнет меня:
«Всё доступно, мой друг, всё возможно!»
Оглянусь и увижу: действительно – друг,
Мы с ним целую тысячу лет не встречались!
А вокруг только лес, только воздух вокруг.
Только лес, только воздух. И шелест печали.

Я рванусь к нему, как фаталист за судьбой:
«Сколько зим!..» – Остановит с усмешкой: «Не надо.
Просто время пришло сверить время с тобой
После тысячи лет временного разлада...»
Он опустит глаза, он развяжет рюкзак,
Он потянет за горло бутылку оттуда
И, мотнув головой, не забудет сказать:
«Открывай, чтобы в сердце не лезла остуда».

Только пробку сорву – словно память взорву –
Повторяется снова, и снова, и снова:
Я так долго на этой планете живу,
Что не помню уже ни дурного, ни злого.
И не важно, кто мы и откуда пришли,
Но без этой – на грани возможного – встречи
Ничего, кроме времени, нет у Земли...
Это время ложится туманом на плечи,
Это время сгорает костром на камнях,
Это время течёт ручейком под камнями,
Это время гудит в напряжённых корнях,
Это время колыхается в кронах над нами.

Друг мой, друг, ты, конечно, уйдёшь поутру,
Не прощаясь. Я сделаю вид, что не слышу.
Это так... это сосны шумят на ветру,
Вырастая всё выше, и выше, и выше.

- ◎ В дымке прячется солнечный круг,
И хотя не пугали морозы,
Разом вдруг пожелтели вокруг
Оттенённые хвоей берёзы.

По неброской тропинке в тайгу,
Захожу, как в глубинную тайну.
И в туман, и в жару, и в пургу
Удивляться тайге не устану.

По берёзовой пойме тропа,
Огибая оконца, петляет.
Лучше мимо неё не ступать –
Проложили с умом поселяне.

Здесь, по сути, и берега нет,
Под ногами зыбучник торфяной,
Нараставший десятками лет
Над водой покрывалом обманным...

Вроде, воздух качнулся слегка,
Разогнал розоватую дымку.
И свалились к горам облака
С переменчивым ветром в обнимку.

Заиграла под солнцем листва,
Заплясали на озере блики.
Сколько в этой игре волшебства,
Чтобы малое сделать великим!

Засмотрелся! Шагнул не туда,
Провалилась зыбучая прорва!
Не вода – ледяная бурда...
Как могу, выбираюсь проворно.

- ◎ В этом доме не жил Трубецкой
И Волконские не были зваными.
Отчего же смотрю я с тоской
На подпаленные развалины.

Чей-то офис появится тут,
Бизнес-центр с рестораном и сауной?
Для того «деревяшки» и жгут
Нувориши – моральные дауны.

Может, был этот дом неказист,
Не трудились над образом зодчие,
Но истории вырванный лист
Был не хуже, чем многие прочие.

Под кленовым навесом скамья
Приглашает присесть в размышлении.
В этом доме простая семья
Прожила не одно поколение.

Было дело, лет сорок назад
В этот дом я студентом заглядывал.
Помню: снимки развешаны в ряд –
Родова, начиная от прадедов.

Помню медный большой самовар,
Этажерку, машинку от Зингера,
Сундуки, утюги, кружева,
Балалайку – хозяин наигрывал...

Мой сокурсник водил, как в музей,
В дом, где снял комнатёнку удачливо,
Любопытствующих друзей.
Нас хозяин, подпив, озадачивал

То легендами о Ермаке:
Как за Камень пошёл со товарищи,
Как тонул на Вагае-реке,
Не дождавшись победы решающей...

То картинами жутких страстей
Из эпохи раскола церковного;
Как горел Аввакум на костре,
В многопудные цепи закованный...

Что откуда он брал, не скажу,
И рассказов его не записывал.
А теперь у развалин сажу,
Будто кто-то из прошлого выставил.

Может, нет и причины такой,
Чтоб страдать, как от происка вражьего?
Ведь не здесь проживал Трубецкой,
И Волконский сюда не захаживал.

- ◎ Я – камень на пути Идущего – в сравненьи
С Идущим. Я постиг не больше, чем узнал.
Так окольцован звук отверстием свирели.
Так предугадан меч сплетением узла.

ВСЁ БУДЕТ ТАК, КАК ЕСТЬ.

Губами стеклодува
Дарует поцелуй напутственный судьба.

.....

(Здесь пауза нужна: прочувствовать, продумать
услышать – звон стекла).

.....

Так высота столпа
Нужна, чтоб подчеркнуть величье монумента,
Недвижность, чтобы дать движению отсчёт.

Я – камень на пути Идущего. Помедлив,
Он склонится ко мне и пыль рукой сотрёт:

ВСЁ БУДЕТ ТАК, КАК ЕСТЬ.

И надписи не веря,
Он снова поспешит к миражам бытия,
Ступая по следам предсказанного Зверя,
Неся огонь души холодной тьме зверья.

- ◎ Возлюби ближнего своего...
Ближний мой, где же ты?
О тебе в веках – ничего.
Сердце – колыбель пустоты.

Зов мой среди иглистых скал
Горечи моей – в кровь избит.
Ближнего – вдали я искал,
Вырвавшись из отчей избы.

Отче мой, иже еси...
Яко я прощаю врагам...
Влагой бытия ороси
Памяти моей берега.

Год за годом времени край
Недоступен, как горизонт...
Наново судьбу разыграй:
Пусть не мне – ему повезёт.

Сердце – колыбель пустоты.
Ждёт лишь тот, кто верить устал...
Ближний мой, где же ты:
Обожжёшь ли зовом уста?

- ◎ Был полон дом. Своих гостей встречал
Он теснотой. Ложились спать вповалку.
И обречённо унитаз ворчал,
Что раньше срока угодит на свалку.

Стол раздвижной ломился от еды,
Вполоборота едоки сидели.
Родители, такой семьёй горды,
Накрыв на стол, порой на кухне ели...

Теперь едят на кухне просто так.
Все комнаты пусты, закрыты двери...
Стучат часы: так-так, так-так, так-так...
И как же им, уверенным, не верить?

Всё так, когда иначе не дано.
И зал пустой, и занавес опущен.
Но так они сидят давным-давно,
Средь Вечности задумавшись о сущем.

Лежит бывшее скомканным листом,
Оно когда-то не было бумажным.
А что случилось, собственно, потом,
Уже, в контексте Вечности, неважно.

- ◎ Снежные просторы
Горизонт расширили.
Тучи, словно горы,
С белыми вершинами,
С чёрными краями,
Склонами лиловыми –
Наступают прямо
На леса еловые.
И за плотной дымкой
Солнышко усталое
Показалось льдинкой,
Что, сверкнув, растаяла...

Вскоре люди кабаки заполнили,
Все меня почему-то помнили,
Вроде, лица-то и знакомые,
Да незнакомые имена.
После первой-второй заспорили:
Я такого собрания стою ли?
Стою ль
выпитого вина?

Как ни пей, мол, ему не выбраться,
Не уходит былое – близится.
Век теперь скоморохом мыкаться...
Переносит своё старьё...
Коль не слюбится, значит, свыкнется...
Как аукнется, так откликнется...
(Словно каркает вороньё).

Всё невнятное с каждой чаркою
Пересуды те;
Пьют да чавкают.
Эх, кабацкая мудрость чадная,
Ты мне голову не морочь!
Хоть и было с чего отчаяться,
Да за окнами всё ж кончается
Ночь бессонная, злая ночь.

Вот! Поют петухи соседские!
Так стараются, так усердствуют,
Будто выморочить хотят
Этот морок до дна
из сердца мне...

Лёгким пёрышком сны рассветные
Не из прошлого ли летят?

МЕДЛЕННЫЙ ВАЛЬС

Очень медленно, очень плавно
(Поворот, проход, поворот).
Мы ошиблись не в самом главном,
Но расстались на жизнь вперёд.

Жизнь, сложившаяся иначе,
Чем ложилась (ещё проход),
Может значить лишь то, что значит
(Плавно, медленно, поворот).

Па, похожее на объятие,
Мы затягиваем слегка.
Как идёт тебе это платье,
Как изящна твоя рука...

Всё, что не было, не случилось,
Вдруг нахлынуло, как потоп,
Смыло сдержанности личины.
Но осталось: «А что потом?»

Пусть же музыка не стихает.
Очень плавно – рука в руке.
Как искусственное дыхание –
Этот танец накоротке.

◎ Вдоль зелёной уже земли
Время катится – снежный ком.
Здесь фиалки не зацвели,
Полегли подо льдом рядком.

Ну а если не зацвели,
Значит, нечему отцветать...
Мы друг друга с тобой нашли,
Что мешало нам ближе стать?

Каждый жизнью своей влеком,
Разбежались – была бы честь!
Время катится – снежный ком.
Ну и ладно, хоть время есть

Нерасцветшим цветам полечь
Подо льдом, под огнём, в пыли...
Мы же, встреч не ища, от встреч
Всё избавиться не могли –

Появлялись то там, то тут,
Убегая от пустоты,
Той, где нас неизбежно ждут
Отцветающие цветы.

◎ Над Байкалом с утра чернота,
Будто ночь уходить не желает.
Над горами ясна высота –
Там восход вдохновенно пылает.
Ну а я посередине стою,
Вполовину зарёй освещённый.
Половину любую мою
Наполняет восторг восхищённый.
Я и шторму и туче любой,
А тем более светлой вершине,
Расскажу, как полезна любовь,
Заглянувшая ночью к мужчине.
Одиночества хмурая стынь
И пустое ночное томленье –
Как тетради пустые листы
С ненаписанным стихотвореньем.
Без любви – вполовину живой,
Вполовину – зажат, как пружина,
Тут хоть волком тоскливо завой, –
Так себя ощущает мужчина.
Я и голым катался в снегу,
И сражался с берёзовым комлем –
Топорище сгибалось в дугу
И ломалось в бессилье топорном!
По сугробам в тайгу уходил,
В темноте пробираясь к посёлку.
И хоть падал на койку без сил,
Сон спокойствия не приносил,
Демонстрируя женщин без толку.

А сегодня я миру открыт,
Распрямилась пружина тугая.
Справа шторм на Байкале бурлит,
Слева снег на вершинах горит,
В доме женщина спит дорогая.

ГОЛОС

«Мир открыт для любви

и пронизан любовью, как светом.

Обнажи свою душу (снимая, как с тела, покровы
Недоверия, страха и гнева) любовью ответной,
Не взирая на то, что условия жизни суровы.

Обнажи свою душу любовью ответной и вскоре
Ощутишь, что едины и чувства, и мысли, и тело,
Что в тебе, словно в капле, несущей сознание моря,
Всё его существо изначально светилось и пело».

К соснам

Иногда упадёшь в траву
И скулишь от глобальной ласки,
И так хочется всё обнять,
Всё вобрать и отдать себя.

Выцветает ковёр разнотравья,
Столь разительно яркий вчера.
Но зато золотыми кострами
Разгораются вечера.
И холодные звёздные ночи
Всё отчётливей пахнут ледком,
Всё настойчивей зиму пророчат...
Но пока до неё далеко,
И в полуденной тёплой отраде
Забывается холод ночей.
Выцветает ковёр разнотравья.
Но грустить-то об этом зачем?!
Пусть сердца не расстанутся с летом
И напомнят нам даже в пургу,
Как в обнимку под яростным светом
Мы лежали на этом лугу.

Утро мутное, полуживое,
Тучи низкие снегом грозят.
С кедров падает жёлтая хвоя.
Лес от мозглой погоды прозяб.

Сеет длинные мягкие иглы
На пожухлые травы и мхи.
Все таёжные звуки затихли,
И шаги мои тоже тихи.

В приглушённом рассеянном свете
Полупризрачным кажется лес.
На его отсыревшие ветви
Давит волглая тяжесть небес.

И стволы, как туманом размыты,
Обступают тесней и тесней.
Мол, довольно шататься по лытам
Привидением в царстве теней...

По глубокой захвоенной тропке
Выбираюсь из сумрачных грёз
На простор, где озёрные топи
Нянчат поросли редких берёз.

А над озером вскрылось оконце,
Словно скважина в месиве туч,
Сквозь него любопытное солнце
Протолкнуло сияющий луч!

Отразившись от стынувшей глади,
Озорно озарив берега,
Он и кедров верхушки погладил:
«Не горюйте, рассеется мга!» –

И ко мне дотянулся проворно
Перед тем как погаснуть опять.
На суку растерявшийся ворон
Вдруг раскаркался, сипло хрипя.

После яркой поры листопада
Мало выпало солнечных дней.
Каждый ласковый миг как отрада —
Тем отрадней, чем дни холодней.

С утра пробросило снежком,
Хоть обещали только в среду...
Обратный путь найти легко
Теперь по собственному следу.
Иду неведомо куда,
Не думая, где юг, где запад.
Тайга призывно молода,
Её флюиды — хвойный запах.

Я надышаться не могу,
Мне каждый вдох сознание кружит.
Любовь похожа на тайгу!
И я тайге с любовью нужен.
А без любви идёшь — строга
И неприступно-равнодушна...
«Как я люблю тебя, тайга!» —
Кричу. Хотя кричать не нужно.

Тайге нет дела до строки
С её звучанием и ритмом.
Ритмичны и бурундуки,
Особенно когда сердиты.
Кричать умеет и сова,
Пусть примитивнее и глуше.
Тайга не слушает слова,
А проникает прямо в душу.

А как вопит в осоке выпь,
На озере таясь таёжном!
Её услышав, сразу вы
Пойдёте вдвое осторожней!
Я разогнал в округе всех
Своим признанием парадным...
Но что такое? Снова снег.
А я не помню путь обратный.

Забыл, где запад, где восток,
Где юг... Ведь мне же нужно к югу?
Неужто мой шальной восторг
Накликал ревностную вьюгу?
Легки октябрьские снега,
Легко ложатся, быстро тают.
Но если к вечеру пурга –
Следы мгновенно заметают.

И я прошу: «Тайга, прости!
Зла не держи. Тебе несложно
В тебя влюблённого спасти...
В такую стынь замёрзнуть можно!»
Тайга не слушает слова
И прямо в душу проникает.
Просвет наметился едва –
Как зайчик солнечный мелькает...

Я недоверчиво пошёл,
Затем уверенно и лихо.
Идти с любовью хорошо.
Да и метель уже притихла.
Просвет, намеченный слегка,
Вдруг распахнул простору шторы!
За строем сосен сам Байкал
Меня встречает гулким штормом.

Сорвав дыхание, сиплю,
Гуденье волн покрыть пытаюсь:
«Я так, Байкал, тебя люблю!
Я в каждый камешек влюбляюсь,
Твоей обкатанный волной,
И в на ветру парящих чаек.
Давно ли с дочкой и женой
В твоих объятиях качались?!»

Байкал не слушает слова,
А прямо в душу проникает!
К урезу волн шагнул едва,
И пена вздыбилась такая,
Что захлестнула до груди.
Любовь – стихия – это точно!
Тут, хошь не хошь, домой иди,
В стихах поставив многоточье...

Зачем иду? Наполниться простором,
Прозрачным воздухом и светом снежных гор –
Восторгом тем, не зная о котором,
Нельзя понять, зачем душе простор.

И не вокруг – внутри меня – берёзы
Сияют оттенённой белизной...
Под шапкой пня сосулек первых слёзы
Во мне блещут. Я полон тишиной
Безоблачного дня, где между снегом,
Деревьями и небом – только мне
Даровано прервать лыжню с разбега
И раствориться в этой тишине...

И ощутить, что это жизни выше,
Что мир иной (границей служит твердь)
Ко мне с улыбкой откровенья вышел.
Родиться там и здесь не умереть –
Искусство?... Да, но творческие муки
Преобразуют несказанный свет
В объёмы, краски, пластику и звуки.
А здесь-то, здесь – преображенья нет!

Есть только миг, предшествующий мигу
Сотворчества с Творцом... И на лыжне
Я проживу неизданные книги
С восторгом, что понятен только мне.

Без тебя, тебя любя,
Весело трудиться.
Но как скучно без тебя
В бане находиться,
Спать в постели одному
Тоже счастья мало.
Я в постель блокнот возьму...
Веселее стало!

Без тебя опять берусь
Рьяно за работу,
Без тебя слегка напьюсь
Вечером в субботу.
Впрочем, это ничего,
По сравнению с баней...
Приезжай на Рождество
Вместе с дочкой Аней.

В лесу стемнело.
При луне
Тревожно стало,
И не бегу я по лыжне –
Бреду устало.

Лыжня петляет – вдвое путь,
Чем летом тропы,
Но напрямик не повернуть,
Вокруг сугробы.

Они темны и глубоки,
Внутри валежник...
Сквозь кроны звёзды-угольки
Сверкают нежно.

И Млечный Путь, за край земли
Стекая, дремлет.
Как отражение – вдали
Огни деревни.

Второго декабря в Иркутске выпал дождь,
Смешавшись с темнотой, кропил всю ночь на третье...
В промозглой пелене по наледи идёшь,
Как где-нибудь в горах сквозь рваных туч отрепье,
Где в десяти шагах не разглядишь камней,
Где под ногами лёд и в лёгких словно вата...
А здесь промокший пёс пристроился ко мне
И рядышком бредёт, ступая угловато.

От непогоды весь посёлок крепко спит,
И мне уже смешно, что вышел на прогулку
Под этот зимний дождь, что мелко ночь кропит.
Но вот уже сворот к знакомому проулку.
Я ускоряю шаг, и пёс не отстаёт.
По плёнке водяной скользим порой на пару.
И этот мокрый снег, и этот влажный лёд
Насытились водой и дышат лёгким паром.

При свете фонарей всё зыбко, как во сне:
В размыве мелких струй объёмны наши тени –
Идут по облакам в надмирной тишине.
А мир под ними спит, ему осточертели
Дневная суета, вечерняя тоска,
И он накликал дождь, чтоб выспаться до дрожи...
Пёс лапу подаёт. Ну что же, друг, пока,
Мы встретимся ещё под летний снег, быть может.

На Байкале в канун Рождества
Зацвела одинокая верба.
А вокруг лишь снегов синева,
Волны чёрные, белое небо.

Обманула неделя тепла,
Солнца яростный свет заморочил.
Ненадолго она расцвела
Накануне январских морозов.

Не зверушка – домой не возьмёшь,
И сочувствием не обогреешь.
Ты до первой звезды доцветёшь,
А потом куржаком забелеешь.

Или льдинкой подёрнешься вся
От холодного мокрого ветра.
Разреши мне три веточки взять,
Чтобы длилось цветение это.

Я не в лёд, а в гранёный хрусталь
Распушённые прутья оправлю.
Накануне Рожденья Христа
Дом твоими цветами поздравлю.

Белым-бело на пойменных лугах.
Метель ночная выдохлась к утру.
Но солнце, просыпаясь в облаках,
Ещё как будто зябнет на ветру,
Лучи, дрожа, рассеивают свет
По ивняку в излучье Иркутска
(А где река? Сравнил с лугами снег!),
По дугам ферм далёкого моста,
По склону волн мамоновских полей,
По щётке крон кладбищенских берёз...
Белым-бело, и всё белым-белей,
Всё ярче, ярче – до невольных слёз.
Природа не устанет повторять
Волнующее это волшебство.
Но я когда-то буду здесь стоять
В последний раз, не ведая того.

На Ангаре морозным вечером
Мы ночь крещенскую встречаем.
Течением потока Млечного
Кораблик месяца качает.

Кружит ангарское течение
Обломки льда в потоке быстром;
Небес крещенское свечение
На них отбрасывает искры.

Ложусь, скольжу к воде по настыли
Почти прозрачной в свете лунном,
И отзвук льда лоя опасливо,
В закрае вырубая лунку,

Чтоб воду ковшиком начёрпывать
Удобней было, да и страшно
Нависнуть над волнами чёрными
На тонкой кромочке вчерашней.

Всё ж, оградив лицо ладонями,
Взор вглубь стремнины погружаю,
Где чуть приметно камни донные
Свечение неба отражают.

Благословясь крещенской полночью,
Передавая ковш по кругу,
Мы наливаем флягу полную
И улыбаемся друг другу.

Слов не найти – ликуем жестами,
Без слов понятными прекрасно:
Так благодатно, так торжественно
Всё поднебесное пространство!

Уже не раз мы это видели
На Ангаре и на Байкале,
Но, как впервые, удивительно,
Как будто чудо отыскиали.

И снова на двенадцать месяцев
Как откровение запомним:
Небесный ковш Большой Медведицы
Крещенской благодатью заполнен!

Ночной Байкал. На узкий длинный мыс
Незримые накатывают волны.
Нет ни луны, ни звёзд.

И кажется, что мы
Плывём во тьме среди просторов водных.
Как палуба, подрагивает лёд,
Намёрзший и нависший над камнями.
Волна то слева бьёт, то справа бьёт.
Ещё чуть-чуть, и льдину доконает.
Отломит, приподнимет, унесёт.
Над новым станет панцирем трудиться.
Так ненадёжно на Байкале всё,
Пока работа ледостава длится.

Вчера мы здесь сидели на камнях,
Сегодня лёд обкатанный, а скоро
Обломки и обломочки, звеня,
В сверкающие выстроятся горы
По берегам, потом их скроет снег,
Вода, беснуясь, вымоет пещеры,
И своды их покроются к весне
Сосульками причудливыми щедро.
Потом наступят солнечные дни,
Ослабший лёд рассыплется на иглы,
В которых, как бенгальские огни,
Лучи зажгут бесчисленные искры.

Ну а пока ни искрой, ни звездой
Ночной Байкал не радуется, не манит.
Удары волн незримой чередой
Шлифуют лёд в густеющем тумане.
Пора домой. Включили фонари,
Идём во мгле, как инопланетяне,
Светящиеся сферы изнутри
Покачивая зыбкими тенями.

Какой туман! И в двух шагах тропа
Не поддаётся брезжащему свету...
Как под водой... И вдруг туман пропал:
Ну впрямь порог – перешагнул и нету.
А за спиной так и стоит стеной!
Давай войдём опять. И выйдем снова,
Пока тумана невод вихрь шальной
Не вынул вместе с нами, как с уловом.

На полпути прояснел небосвод.
Луна янтарной лодочкой повисла
На низком облаке, и звёздный хоровод
Вокруг Полярной двинулся над мысом.
Вернуться бы! Такая чистота,
Такой простор для полуночных странствий.
Но мы устали и глядим с моста,
Подвешенного в сказочном пространстве.

Снег кружится над головой,
Будто вечно ему кружить...
Я проснулся, и я – живой.
Разве это не чудо – жить?!

Разве это не чудо: раз –
Из постели и за порог,
Голым телом в метельный пляс!
Чуть продрог, но какой восторг!

Полотенцем растёрся – ух!
Шерстяные надел носки.
А из кухни кофейный дух.
Разве будет тут до тоски?!

Турку снял поскорей с плиты,
Чтобы с пенкой – не абы как...

(Эх, ещё бы под боком ты –
С белой чашечкою в руках!..
Стоп, фантазия! Будет всё
Через месяц-другой опять).

Джек калитку, скуля, грызёт –
Мол, на лыжи! Пора гулять.

Как в упряжке, на поводке
Сколько раз он меня таскал.
Ну, откуда здесь быть тоске?!
Отправляемся на Байкал!

Приутихла как раз метель.
Вдоль по берегу – груды льда.
Стужей выстеленную постель
Разметала опять вода.

До лыжни докатился вал,
И по ней теперь не пройти...

(Если б я с тобой зимовал,
Разве б я сейчас загрустил?
Мы бы влезли на груды льда,
Вот на эту, что выше всех,
Обнялись и смотрели вдаль...)

Впрочем дали и не видать –
Пеленой застилает снег.

Джек! Отправимся по кривой –
Лес прибрежный лыжнёй прошить.
Снег кружится над головой,
Будто вечно ему кружить.

Нет надежды на встречу,
Если поезд ушёл.
Но лыжне не перечу,
Мне на ней хорошо.

То кедрач, то берёзы,
То на взгорок, то вниз,
Как таёжные грёзы –
Эти нити лыжни.

Хоть и ходит кругами
Там, где небо видней,
Но лыжня под ногами –
Это память о ней.

Точно так же по кругу
Бродит память сама.
Ненадолго подругу
Подарила зима.

Ветер будет обратно – в спину.
Смело двигаю на закат.
Курс держу на большую льдину –
В ней заката огни горят.
Солнце катится, словно мячик
Жёлто-розовый, по хребту.
С каждым шагом сочнее и ярче
Блики в глыбине льда цветут.
Краше всех новогодних ёлок
Треугольный стоит торос.
Воздух чист и на вдохе колок,
С гор накатывает мороз.

А Байкал подо льдом гуляет,
Хочет вольно гигант вздохнуть,
В крышу тяжкую ударяет...
Может, к берегу повернуть?

Грянул под ноги гул-раскольник,
Раскатился до дальних скал.
Треснул веером треугольник
И ещё сильнее засверкал.
Красота и опасность рядом –
Неразомкнутый жизни круг.
Опасаться Байкала надо,
Хоть берёт сейчас на испуг.
Но не скоро он вскроет крышу,
Льдам устроив переполох,
И ещё я не раз услышу
Этот гулкий утробный вздох.

...Ветер в спину наполовину,
Значит, надобно поспешать.
Оборачиваюсь на льдину:
Ах, и в сумерках хороша!

Над горами в лёгких облаках
Плещутся предвестники рассвета.
Солнце встало над равниной где-то,
Ну а здесь невидимо пока.

Розовый всё выше и сочнее,
Жёлтый растекается по склонам.
Синий, бирюзовый и зелёный
Словно воспаряют из теней.

Контуры заснеженных вершин,
Как пером, прочерчены лиловым.
Для оттенков не подыщешь слова,
Лишь восторг доступен для души.

Наконец в расщелине хребта
Каплей раскалённого металла
Огненная точка заблестала,
Приглушив рассветные цвета.

Чуть моргнул – в слепящую дугу
Превратилась огненная точка,
Озаряя небосклон восточный
И макушки лиственниц в снегу.

Кедры ниже, и чуть-чуть поздней
Уловили зарево восхода.
Зимним утром тешится природа.
Ну и я, конечно, вместе с ней.

Диск всплывает над горой на треть.
Свет стекает медленно по кронам
Розово сверкающим покровом.
Солнце всё успеет рассмотреть,

Двигаясь по стрелке часовой,
Посолонь, как говорили прежде...
Жаль слова живые слышит реже
Наш народ, забыв язык живой,

Тот природный, солнечный язык,
Где живут языческие боги,
А не сирий, нагий и убогий,
Ставший с иноземными впритык.

Впрочем, что я – солнышко встаёт!
Вот уже вошло наполовину,
Льётся ручейками в котловину,
Как янтарный донниковый мёд.

Я смотрю, смотрю во все глаза,
Свет вбирая, наполняясь светом,
Как и лес –
уже по нижним веткам
Блики желтоватые скользят.

Пять минут восхода... День за днём,
Как заправский я солнцепоклонник,
Выхожу к неписаной иконе
За её живительным огнём.

В тихом празднике снега и света
Я случайный задумчивый гость,
Прохожу не касаясь веток,
Как бы что не стряслось.

Краски утренние пастельны.
Ах, заснеженный тополёк!
Только выдохнул – заблестели
Две снежинки, сорвавшись в полёт.

Так просвечивают ветки,
Словно тёплые фитили
Притушили до времени свечи,
Пламя зелени затаив.

И струится лазурью внешней
Светоносная тишина.
И стоит, как лесной подсвечник,
В невесомом снегу – весна.

Горы какие-то мягкие, ватные,
Это от солнца парят ледники.
Жарко и нам километры наматывать
С ветром на великах вперегонки.

Если дорога немного оттаяла,
То за кюветами – царство зимы.
Не утерпели с поездками дальними,
Едем к горам героически мы.

Лужи и ямы давно не в диковину,
Только нет-нет колесо и найдёт
Скрытый под грязью, набивший оскомину
Скользкий, коварный, предательский лёд.

Дружно скользим, но пока что не падаем,
Мы ж по Байкалу гоняли не раз!
Радость в груди превращается в радугу,
Радостью общей связавшую нас.

Горы близки, но дорога кончается.
Лезем в снегу по колено – к реке.
Льдина плывёт по течению, качается,
Блики качая на донном песке.

Сверху на льдине качается «озеро»,
В нём отражается леса «пила».
Дочь в это «озеро» камешек бросила,
Льдина к Байкалу его понесла.

Тут же объявлена гонка за льдиною,
Чтобы увидеть её под мостом!
Но объездную дорогу длинную
Что-то педали вращаем с трудом.

Велосипеды обмёрзли, под крыльями
Тормозом стал запрессованный лёд...
Дом нас встречает теплом-изобилием.
Выспимся крепко и снова в поход.

Завтра погода, глядишь, разгуляется...
Но на рассвете запахло дождём.
Март переменчивый с нами прощается.
Мы и под ливнем дорогу найдём!

От первых запахов весны,
От снежных тающих тропинок
До первых почек и травинок
Мы ожиданием полны,
Как будто это в первый раз,
И мы не знаем, что случится,
Друг другу вглядываясь в лица
С восторгом чувств, сияньем глаз.

А если после тёплых дней
Опять природа занедужит,
Мы ждём конца внезапной стужи
Со снисходительностью к ней.
Но ждать привычку обрета,
То восхищённо, то устало,
Не вдруг поймём: весна настала,
От снега землю опростала.
И птицы весело свистят.

Поднимешь руку – сыплет с неба дождь,
Опустишь долу – ледяная крупка.
Так меж весной и позимью идёшь
По всходам трав под корочкою хрупкой.
А утром что? – Повальный гололёд?
Или растопит наледь ветер южный?
Вот он уже в нагих ветвях поёт,
Как он могуч и как природе нужен!

Его настрою внемля, воробы
Припоминают свадебные песни.
Грядёт пора для счастья гнёзда вить
Под стрехами и в ближнем перелесье.
В скорлупках почек нежная листва
Готовится проклюнуться наружу.
Она, как буквы, сложится в слова
Для песни, что принёс ей ветер южный.

И только этот леденистый хруст,
По сумеркам шаги сопровождая,
В мелодию тепла вплетает грусть,
Как зимние бубенчики Валдая.
Они сопровождали первый снег,
Но звук тогда рассыпчат был и весел,
Как на катке весёлый детский смех,
Предвестник светлых новогодних песен...

Ну а сейчас растрёпанный апрель
То вспоминает яростную стужу,
То проливает дружную капель
И вновь ледком подёргивает лужи.
Его причуды трудно предсказать,
Беспомощны прогнозы и приметы.
И даже ветра южного азарт
Ещё не значит поворота к лету.

К ночи завьюжило.
Утром прояснело.
Снег до полудня на солнце сверкал.
Но под лучами,
пригревшими жаростно,
Сжался, осел, потемнел...
И пропал
Как-то внезапно.

Как будто и не было.
Краткий каприз своевольной весны.
Вербы соцветия,
схожие с нерпами,
Нежатся в ласке воздушной волны.

Возле болот на иркутской окраине
Зазеленел травяной островок,
Робко глядят одуванчики ранние –
Опередили цветения срок.

Птицы щебечут, свистят и чирикают,
Дети на улице громко галдят.
Лишь тополя потемневшими ликами
За горизонт напряжённо глядят.

Там небосклон заполняется тучами.
Что принесёт окончание дня?
Как бы там ни было – верится в лучшее.
Вот уже в воздухе пчёлы звенят!

Весна? И всё-таки – весна!
А ведь не верилось с утра...
Видна сквозь облако луна
Холодной скважиной;
Прильни зрачком – в объятьях сна
Томится голое вчера –
Продрогший саженец;
Там – почка лопнула одна,
А здесь – проклюнулась весна...

Но кто там – с зимней стороны –
Глядит в проталину луны?

Сеет холодный дождь...
Долгих надежд тщета...
Если чего-то ждёшь,
То душа не пуста.

Дождь набросал штрихи
Наискосок окна.
Я написал стихи.
Тема у нас одна.

Летних надежд исход –
Ветреный листопад.
Мыслей моих разброд
Выси водой кропят.

Лес до нутра промок,
Не развести огня.
Несколько грустных строк
Бродят внутри меня.

Плохи ли, хороши
Не разберёшь уже...
Были бы для души,
Были бы по душе.

Ветер в дуду дудит.
Бродит среди ветвей...
Солнечных впереди
Будет немало дней.

В тёмно-серой золе костра
Угольки – как мерцание звёзд.
Подступает к тайге пора
Предрассветных туманных грёз.
В полудрёме и полутьме
Всё расплывчато и чудно...
Проступает на полотне
Загрунтованное полотно:
Не устроил пейзаж творца
И замазал его творец...
А теперь там овал лица,
Лоб венчает косы венец.
А теперь там блестят глаза,
Лепестки проступают губ...
Те слова, что хотел сказать,
До рассвета приберегу.
Чтобы с первым лучом зари
Новой жизни зажечь зарю,
Над туманами воспарить
Непроявленного «люблю».

Зелёная трава уже не изумляет –
Кончается апрель.
Мы первоцвета ждём, который грянет в мае.
А следом захлестнут черёмуха, сирень...

Мы знаем наперёд всю очерёдность эту,
Когда и что родит родимая земля.
Но словно в первый раз, вновь радуемся цветущему,
Пусть даже этот цвет роняют тополя...

Мы памятью живём, потом живём цветеньем –
Идёт за годом год.
И ожидания дни ничуть не меньше ценим,
Чем дни, когда и сад, и луг, и дол цветёт.

Мы знаем, что восторг не может долго длиться,
Но радость бытия – внутри, как крови ток.
Не оттого ли так светлы прохожих лица,
Что я несу в душе несорванный цветок?

На кедровых иголках роса –
В ней купается отсвет зари,
Капли света на кончиках хвои висят,
Как волшебные фонари.

Если близко на них посмотреть
Сквозь ажурную сетку ресниц,
Будут звёздами в лёгком тумане гореть –
Ты стремился к звезде – прикоснись!

На Байкале немало чудес,
Эти капли – заманчивей грёз.
В них дрожит вниз макушками сумрачный лес,
Просветлённый стволами берёз.

Это капельный мир – посмотри:
Всё вместилося в росинке одной.
Волны гаснут, как медленный отсвет зари,
И заря наплывает волной...

Чтобы внутренний мир разгадать,
Растворись в мире капли на миг,
В этом миге несчётных веков благодать,
Мудрость всех ненаписанных книг.

Июньский тёплый день, как маковый цветок,
Смыкает лепестки в томлении вечернем.
Оснеженных вершин закатное свечение...
Прилива и песка невнятный шепоток...

И звёзды, что ещё на небе не видны,
Видны на глади вод, где гаснут блики солнца,
Как будто свет идёт из глубины колодца,
Раздвинувшей хребты байкальской глубины...

Потом, забросив сеть, вечерний полумрак
Вылавливает их и поднимает в небо.
И смотрит звёздам вслед задумчивая нерпа,
И провожает их дымком костра рыбака.

Кошу траву – беру нешироко,
Высоковато – в общем, как сумею.
Кто пьёт всегда парное молоко,
Мои проблемы вмиг уразумеют...

Косу поправлю – так или не так,
Не знаю – это кажется искусством.
Косьба по сути вроде бы проста,
Кто ж не косил в недавнем прошлом русском?!

Но если сам, без навыка, пошёл,
Найдя литовку старую в сарае,
То разве будет сразу хорошо?
Коси коса, пока трава сырая!

Иду босым – о как трава сыра!
Народной мудрости иль нетерпенья ради
На первый свой покос иду с утра,
И росных трав сверкающие пряди

Снимаю. С каждым шагом всё точнее
И угол среза и финальный вымах...
Слова не те? Не зная «тех» речей,
Пришлось словами говорить своими.

И вкривь, и вкось лежат валки травы,
Стерня неровная... Везде торчат останцы...
Увы, не прыгнешь выше головы!
И вот вопрос: когда за грабли браться?

Первый гриб повстречался в лесу –
Небольшой симпатичный маслёнок.
Я его на ладони несу
И люблюсь почти что влюблённо.
Наступает грибная пора!
И уже послезавтра, в субботу,
Я охотно отправлюсь с утра
На любимую эту охоту.

А на завтра обещанный дождь
Точно в самую пору придётся...
Мне вдогонку счастливая дочь
Тоже с первым маслёнком несётся!
Два маслёнка – уже не один.
Будет суп с ароматом желанным.
Послезавтра вдвоём подглядим,
Как проснутся грибы под туманом.

Как добытчики входим во двор.
Внук навстречу бежит что есть силы:
Под забором нашёл мухомор –
Ядовитый, но очень красивый.
Мухомор полежит на окне,
Чтобы не было внуку обидно.
А маслята – на кухню, жене...
Только что-то жены и не видно.

– Где жена? Это что за дела?!
Тёща с тяпкой идёт из-за бани:
– В лес за вами недавно ушла,
Говорит, что запахло грибами.
Эх, сюрприза не вышло опять,
Нет ей равных на тихой охоте.
Будем супчик хлебать и мечтать
О грибной долгожданной субботе.

Всё красное становится лиловым,
Лиловое смывает чернота.
По черноте рассвет выводит снова
От розового к красному цвета.

И если от заката до рассвета
Глаз не сомкну, вдыхая тишину,
Весь дивный свиток солнечного лета
Я от конца к началу разверну.

В лунной неге – ивы ветки
Над обрывом гнут.
Небо – звёздные осветки
Обронило в пруд.
Тихо-тихо их колышет
Рябью ветерок.
Ночь легко спокойно дышит.
Вдох и выдох еле слышен
В шелесте осок.

Тихо-тихо погружаюсь
В непроглядность вод.
Донный холод, ног касаясь,
Вкруг спирали вьёт.
Выше, выше – грудь сжимает...
На спину ложусь.
Тёплым слоем, как живая,
Влага тело обнимает –
Медленно кружусь.

Вдоха-выдоха качели
Навевают сон.
Лёгкость в мыслях,
Лёгкость в теле –
Звёздный перезвон.
Скоро запад вспыхнет Вегой,
Вот уже – зовут...
Странно вспомнить о ночлеге,
Ивы ветки в лунной неге
Над обрывом гнут.

Когда тебя со мною рядом нет,
Ты всё равно всегда со мною рядом.
И свет луны и звёзд, и солнца свет
Меня твоим сопровождают взглядом.

Тепло луча, прошедшего стекло
С утра, когда земля покрыта снегом,
Напоминает рук твоих тепло,
Прикосновений утреннюю негу.

Когда в лесу берёзы белый стан
Я обнимаю, прижимая щёку
К её коре, в любимые уста
Влит аромат берёзового сока...

Когда тебя я вижу наяву,
Всё так же, но ещё сочнее и ярче:
Я в двух мирах счастливейших живу,
Мир без тебя сливая с настоящим.

Любимую обнять,
Прижав спиной к сосне...
Сосне сто лет стоять
На горной крутизне,
В расщелинах камней
Корнями землю мять.
А мне, что нужно мне –
Любимую обнять.

Мы шли сюда полдня.
Обратный легче путь.
Но ей нельзя меня
И в шутку оттолкнуть:
Скачусь по крутизне –
Костей не соберёшь.
И хвою на сосне
Охватывает дрожь.

А где-то глубоко
Шумит-шумит река.
Мы выше облаков,
И выше – облака.
Какое счастье жить!
Какой восторг – понять:
Весь мир в себя вместить –
Любимую обнять.

Здесь небосвод не выше потолка.
 Взойди на пик – коснись его руками...
 Но это будет завтра. А пока,
 Присев передохнуть на плоский камень,
 Внимаем пенью горного сурка.
 Его мотив предельно упрощён –
 Не соловей, чья трель многоэтажна.
 Но он вниманьем публики польщён:
 Закончит и раскланяется важно.
 И скажем мы: давай, сурок, ещё!
 И он свистит... Но стоит с камня встать
 Или повесить голос ненароком,
 Миг – и эстрада горная пуста...
 Но что такое: песня не умолкла?!
 Другой свистун наладился свистать!
 Вот он, красавец, с левой стороны,
 Пугливо лапки прижимая к сердцу,
 Среди камней, дождавшись тишины,
 Сурковое высвистывает скерцо.
 Ему ведь тоже зрители нужны!
 И мы смеемся: надо же – зверьки,
 Как будто получив ангажементы,
 И те свои настроили свистки
 На комплименты и аплодисменты!
 И где – в горах, где люди так редки!
 Через минуту зазвучал дуэт,
 Потом решил покрасоваться третий.
 Четвертый, пятый поддержал концерт.
 Но солнце, не заботясь о концерте,
 Зашло за пик. И вот – концерта нет.
 И подхватились зрители: пора
 Палатку ставить и готовить ужин,
 Впотьмах-то дров не сыщешь для костра.
 А добрый отдых нам сегодня нужен –
 Стоит и ждёт Тальцинская гора.

Никогда не знаешь,
 сколько сахара положить тебе в чай.
 Каждый раз приходится спрашивать,
 ждать ответа.
 Если вслух тебе не хочется отвечать,
 Можно на пальцах... Ну а когда без света
 Ночью... объятия разомкнув...
 Возжелаем горячего чая вместе,
 Ты на вопрос мой: «Две, полторы, одну?» –
 Просто целуешь или ответа вместо?

Чай у костра всегда наливаешь ты.
 Сахар забыли? Сладок и запах дыма
 С ветром Байкала,
 привкусом хвой,
 дыханием высоты.
 Этот напиток не приготовишь дома.
 Дома выйду из кухни:
 «Солнышко, будешь чай?»
 Заварю и налью, ну а потом – про сахар...
 Прошлому – спрашивать, будущему – отвечать.
 Мысли о старости не вызывают страха.

Внук наливает себе молоко в стакан,
 Ложкой шурует в сахарнице азартно.
 Он не умеет ещё говорить пока,
 Значит, не делит жизнь на вчера и завтра.

Солнце свалилось в провал за хребтом.
Жёлтый закат с голубыми полосками
Чуть театрален, и кажутся плоскими
Горы – окрашенный сажей картон.

Кто-то шепнул: посмотри на Байкал –
Волны завернуты вспять, а не к берегу...
Я обернулся и «Реквием Рериху»
Палкой на красном песке написал.

Ветер с востока сиреневых туч
Необозримые полчища выдвинул.
Запад лимон в чашу вечера выдавил –
Брызнул, раскинувшись веером, луч.

В полнебосклона – сияние врат
В царство живого огня животворного.
Полнебосклона – лиловым до чёрного
Занял царя светоносного враг.

Руки я вскинул, ладони подняв,
В правой – лимонное, в левой – лиловое,
В сердце – спокойствие: битва условная
Просто спектакль убывания дня.

Дунул в трубу Баргузин-музыкант.
Волны, запенившись, хлынули к берегу,
Смыли с песка посвящение Рериху.
Свитком сакральным свернулся закат.

Посох уходит в песок глубоко,
К небу язык присох.
Небо – белое без облаков –
Тоже сплошной песок.

Жарит сверху и снизу вверх,
И неизвестно как
Может измученный человек
Сделать вперёд хоть шаг.

В небо уходит бархана склон,
Небо сыплется вниз.
Жизнь переходит в кошмарный сон.
Выспись или проснись.

Сколько песчинок несёт волна,
Разбаламутив дно?
Тысяча жизней в пространство сна
Может вместиться, но...

Не притворяйся, что не причём
Ты – в голубых снегах.
Этот песок и тебя печёт.
Посох – в твоих руках.

Настанет час: лекарства не спасут.
А то – гляди – окажутся подделкой!
А ты один в заснеженном лесу,
Как идиот, гоняешься за белкой.
И станет тяжёлый фотоаппарат
С «охотничьим» прицельным объективом,
Готовым всё приблизить во сто крат,
Запечатлев природы дивной диво.

На валидол и нитроглицерин
Внимания не обращает сердце.
Так что ж ты в лес отправился один,
Не взяв ста грамм взбодриться и согреться?!
И как сухие ветки для костра
Ломать с ближайших кедров или сосен,
Коль даже боль в груди не так остра,
Как этот миг бессилия несносен?

Не паника – предвестница конца,
Не страх – конечно, страшно, ну и что же,
Бессилие, что тягостней свинца,
Тебя сейчас на снег навек уложит.
Грехи считая: Господи, прости! –
И с «Отче наш», что вдруг до слова вспомнил,
Ты продолжаешь медленно брести.
А дивный лес всё так же дива полон.

И вот – упал... Пока ещё живой.
Закрыты веки, вздрагивая мелко.
И прямо у тебя над головой
Сидит на ветке голубая белка.
Сидит и смотрит с любопытством вниз.
А где-то в недрах фотоаппарата
Лучи в изображение сошлись,
И всё само сработало, как надо....

Такой вот сон настиг меня к утру.
Сердечный приступ в образе фантома.
И стало жаль, что если я умру,
То не в лесу, а на кровати дома.
И валидол на кухне, как назло.
Вчера, шутя, «сослал» его в солонку.
Из дома за ночь выдуло тепло,
Забыл закрыть в печной трубе заслонку.

Кондратий хватит! Господи, прости...
Я наяву весь «Отче наш» не вспомню.
Куда ещё не шло – в снегу ползти,
Но не к солонке ж голому по полу!
И я сказал себе: «Эге, дружок,
Смеяться будешь после этой ночи.
Ну а сейчас – припомни-ка суджок
И помассируй «приступные» точки».

В который раз хранит меня Восток –
И кровь «пошла», и «потеплело» дома.
И до солонки я добраться смог,
И выпил кофе после валидола.
Вдруг взгляд упал на фотоаппарат,
И странно веки задрожали мелко:
Надрывный сон приблизив во сто крат,
Включу просмотр,
А там, на снимке –
Белка?

Золу костра смело порывом ветра,
И угольки зажглись мерцаньем звёзд.
Но ветер стих – мерцание померкло...
Уймись, восторг. Не возвращайся, злость.

Порыв души воспламеняет угли
Угасших чувств, невозвратимых встреч.
И памяти заботливые слуги
Ненужный хлам стараются сберечь.

Уймись, душа, химерами не потчуй,
Реальных звёзд достаточно вполне,
Когда на воду ляжешь навзничь ночью,
И смотришь ввысь, качаясь на волне,

Уже не чуешь, где вода, где воздух,
Где верх, где низ – плывёшь или летишь,
Со всех сторон поблёскивают звёзды,
Со всех сторон объемлет душу тишь...

Но здесь, во тьме таёжной, всё иначе.
Помедлив у погасшего костра,
Легко понять, что ничего не значит
Желание продолжить путь с утра.

Возлежу на горячих камнях
Под спящим полуденным солнцем.
Волны гальку катают, звеня,
И шальная, обрызгав меня,
Переливчатым плеском смеётся.

Я сердать на неё не могу,
Хоть и вздрогнул от знобкого душа.
Мало места ли на берегу –
Расшались совсем, убегу
Ближе к лесу – пичужек послушать.

Всех ли ведаю по именам,
Кто свистит, кто пищит, кто щебечет?
«Фрю-фрю-фрю» – это точно желна...
Помню, бегал за ней дотемна –
Фотосессией увековечить!

Ну, кукушка, конечно, «ку-ку» –
По подброшенным деткам тоскует,
Да никак не разгонит тоску.
«Док – тэ-ке» – так глухарь на току
Перед серенькой самкой шикует.

«Квик-кувик» – то кулик-воробей,
Он скромнее поёт, чем песчанка,
Ничего, воробей, не робей,
Всяк высвистывает себе,
Как умеет, судьбу или счастье...

Я ведь тоже не рот полощу
Переливчатым словом да рифмой,
Может, что-то в судьбе отыщу...
А по-вашему: просто свищу,
Упиваясь задавшимся ритмом?!

Хорошо, собирайтесь вокруг.
Я сейчас без единого слова,
Только звук, обесмысленный звук
Для беспечной рулады возьму:
«Ля-ля-ля...» – вот и песня готова!

Не понравилась песня моя,
Через миг опустела опушка,
Улетели в иные края
Даже два кулика-воробья,
И желна, и глухарь, и кукушка...

А сорок, воробьёв и ворон
Налетела откуда-то туча,
Заслонили собой небосклон...
Тут пробилась синица сквозь сон:
– Посмотри-ка на солнышко лучше.

Я глаза открываю: привет!
Подбираются к солнцу, как воры,
У которых и совести нет,
Загребая сияющий свет,
Облаков тёмно-синие своры.

Почернела, притихнув, вода,
И пичуг голосистых не слышно.
Только чайки, туда и сюда
Пролетая, вопят, как всегда:
– Убирайся отсюда, ты лишний!

Что вы, чайки?! Да как без меня?
Я ведь тоже частица Байкала.
Даже вы, хоть и злитесь, гоня,
Мне сейчас не враги, а родня.
Здесь душа рай земной отыскала.

Даже этот налёт грозовой,
Этот шквал, разорвавший затишье,
Эти молнии над головой
И раскатистый гром басовой –
Так родны, что родней не отыщешь!

Ливень хлынул, густой пеленой
Занавесив и берег, и чаек.
Никого не осталось со мной.
На волнах, поднырнув под волной,
Я качаюсь, качаюсь, качаюсь...

Гроза несёт в себе угрозу,
И я напрасно чуда жду.
Чертополохом пахнут розы
В твоём заброшенном саду.

Пробор едва приметной стёжки
Вдруг затерялся у ольхи –
Её воздушные серёжки
Шуршат, как тайные шаги.

Здесь кто-то был совсем недавно,
Себя предчувствием томил
И ветку с горечью отравной
Рукой холодной надломил.

Выходные. На берег реки
В шлейфе выхлопов смрадных и пыли
Утром солнечным вперегонки
Направляются автомобили.

Чтобы было гулять веселей –
Людам солнца для радости мало, –
Каждый с музыкой едет своей,
С угольком, шашлыком и мангалом.

Каждый водку и пиво везёт –
Что за жизнь на природе без пива!
А без водки тоска загрызёт
От того, что природа красива.

Ведь не всем пасторали строчить,
Вроде как Феокрит и Вергилий...
Лучше громче колонки включить,
Возбуждаясь от песенной гили.

Вот и берег! Натыканы в ряд
Над рекой разноцветные тачки,
И костры уже дружно горят,
И еду из багажников тащат...

Глянуть сверху: ну просто орда
Совершает набег на Россию!
Эх, Донского бы Диму сюда,
Он бы силищу эту осилил!

Я как мученик мимо иду,
Сквозь помойные звуки эстрады,
Здесь шансон уголовный в ходу
И в комплекте присловные маты.

Я иду по убитым цветам,
По траве, перемолотой с пылью...
Эх, забрали бы черти к чертям
Эти чёртовы автомобили!

Ведь, лишившись седанов своих,
Про природу забудут уроды,
Им слабо на своих-то двоих
Столько водки тащить на природу!

Да ещё до отрыжки – жратву,
Да ещё и столы, и шезлонги...
Прохожу этот ад наяву,
И свинцом наливаются ноги.

После этих лихих пикников
Здесь останутся мусора горы.
Так общаются люди с рекой –
Как бандиты, насильники, воры.

Прилетала чайка – поорала,
Надо мной крылами трепеща.
Клюв, как на добычу, раскрывала
Над волной закатного луча.

Что ж ты, чайка, гонишь человека,
Тихо так сидящего у скал?
Разве для тебя одной от века
Распахнул объятия Байкал?

Я ничем природу не обижу
И прибрежный лес не подпалю.
Я Байкал не так уж часто вижу.
Я его, представь себе, люблю.

Здесь пробуду разве что неделю,
Что нам, неумная, делить?..
Ну, дела! Да что я в самом деле
Вдруг надумал с чайкой говорить?

Может, ей заняться больше нечем:
Там ли сям присяду отдохнуть –
Прилетает чайка каждый вечер,
Чтоб меня с Байкала шугануть!

Я её ничем не беспокою –
Пусть вершит свободный свой полёт...
Но ведь что-то есть во мне такое,
Что покоя чайке не даёт?

ДЕНЬ БАЙКАЛА

1.

В День Байкала я был на Байкале,
На восточной его стороне.
Волны ласково берег ласкали,
Ах, так ласково берег ласкали,
Что я вдруг заскучал о жене.

Заскучал и уставился в небо,
Примостив под затылок валун.
Облака проплывали нелепо,
Словно пышные дамы, нелепо
Оказавшись в белье на балу.

И весёлое рыжее солнце
Мне открыто смеялось в глаза:
У тебя лишь и свет, что в оконце,
Ну а много ли света в оконце?
Ты на небо ко мне полезай...

2.

Глядь, и я уже в небушке синем
От земли высоко-высоко
Возлежу на пуховой перине...
Ах, откуда здесь взяться перине?!
На пуховых грудях облаков.

Образ, если изволил явиться,
То бывает навязчив, как чих...
Добродушные пухлые лица
Облаков – мне напомнили лица
Б. Кустодиевских купчих.
Их дебелые мягкие руки,
Самоварные животы...

Вслед за Рубенсом, но по-русски –
Придавать пышным женщинам русским
В чём-то облачные черты...

3.

Снова рыжее сверху смеётся:
Вот где клином-то сходится свет!
Посмотри на меня – я ведь солнце,
Что там женщины против солнца...
Ну-ка, в космос шуруй, поэт!

Я и в дальних-то странах-то не был,
А о космосе что говорить!
Это вроде ночное небо,
Но такое уж звёздное небо,
Что всех женщин легко одарить!

Я, возможно, тупого тупее,
Но и здесь чаровницы живут.
Андромеда, Кассиопея,
Дева, Вега, Венера, Психея...
Нет Психеи? Так назовут!

4.

Вон у той, что глядит, как на чудо,
На Земли моей облака,
Явно имени нет покуда.
Будь Психеей моей, покуда
Так жена от меня далека.

По Вселенной летя, Адамом
Раздаю имена, как лесть:
Тех, что дороги, – ярким самым,
Тех, что любят меня, – пульсарам,
А туманностям – поэтесс...

Залетел далеко-далёко,
Здесь и звёзды не так уж густы,
И сияние их поблёлкло...
Иль сознание так поблёлкло
От прихлынувшей пустоты?

5.

Это значит – пора вернуться...
Оторвавшись от валуна,
Солнцу рыжему улыбнулся,
В глубь холодную окунулся...

6.

Как жена, обняла волна.

Сквозь листву просочился закат.
Тенью крытые, как черепицей,
Южный рдеет, а северный скат,
Чуть подёрнутый мхом, золотиться.

Тень и свет неподвижны пока.
Ветер дунет – покроются рябью
Скаты крыши, как два озера,
Родниками пробитые кряду.

Мне бы попросту выбраться в лес,
Добрести до озёр по болоту
От придуманных этих чудес,
С головой окунуться в природу.

Да простуда уменьшила прыть.
Как ребёнка, оставили дома.
Наказали чабрец заварить,
Пить багульник по ложке столовой,

Чай с малиной и мёд с молоком...
Ароматы альпийского луга
Вновь меня увели далеко
За увалы предгорий... Упруго

Ветер в спину толкает: иди,
До вершины осталось немного.
А на пике победно гудит,
Разогнав облака по отрогам...

От картины такой голова
Закружилась и сладко, и пряно.
Значит, хватит болеть-горевать.
Завтра двинем с утра за туманом!

Будем пить травяной аромат.
Выйдем к горным озёрам под вечер.
Над хребтами медовый закат
Разольётся и хвори долечит.

Ранним утром туман-молоко,
Оставляя на стланике клочья,
Устремится в гряды облаков,
И по склонам рассвет захлопочет.

Скалы выкрасит в цвет чабреца,
Разогреет духмяные травы,
И засветятся два озерца,
Как цветы золотые купавы.

На вершину взойдём, а кругом,
Сколько взглядом достигнется хватким,
Панорама распадков и гор,
Как объятья, раскрывших распадки...

Скрип калитки, собачий скулёж,
Голоса за открытым окошком.
— Что ты, дочка, в ладонях несёшь?
— Набрала для больного морошку!

Будоражащий запах полыни
Вдоль дороги волнами разлит.
То отхлынет, то снова нахлынет —
Это ветер полынь шевелит.

До опушки берёзовой рощи
Впережку с кипреем цветёт.
Роща тонкие ветви полощет —
То в полынь, то в кипрей окунёт.

То листва в фиолетовых бликах,
То опять в жёлто-бурой тени...
Отливает закат сердоликом,
Убывают полынные дни.

Туча запенилась над перекатом рассвета.
Дни начинаются бурно, как горные реки...
С дальнего плёса чаек слышались крики.
Гибкие ивы свивают из веток тенёта,
Ловят и ловят едва уловимые блики.

Рыбой взывавшей подпрыгнуло солнце над пеной,
Свет расплеснув, словно вырвались воды на волю:
Руслом широким округлые катятся волны,
Лёгкая дымка осталась от тучи надменной,
Солнцу грозившей соперничать выбросом молний.

Так и казалось, что свету не будет предела,
Что разольётся навек как великое чудо...
Но быстрокрылая чайка – небесное чадо –
Молнией белой от дальнего плёса взлетела,
Чтобы нырнуть в остывающий омут заката.

До чего же мне сегодня хорошо!
Никаких воспоминаний в голове.
Я шагаю по планете нагишом,
Как безгрешный первозданный человек.

Кроме Бога, никого на свете нет,
Даже женщина не создана пока.
Только нерпа любопытно смотрит вслед,
Только чайки мне кивают свысока.

Села бабочка на левое плечо,
Словно я какой диковинный цветок.
От камней, нагретых солнцем, горячо
А с Байкала наплывает холодок.

Всё ершистей и задиристей волна,
Горизонт подзатянуло пеленой.
Пляж кончается, и скальная стена
Неприступно вырастает предо мной.

Чуть приметная звериная тропа
До обрыва над Байкалом довела.
Валуны внизу лежат, как черепа,
Ветер выдул ощущение тепла.

Ну а я сюда забрался нагишом,
Где-то брошены одежда и рюкзак.
Зуб на зуб не попадает: Хорошо!
Хорошо-то, хорошо на свете как!

Отогрелся-отлежался на камнях,
Как на печке в остывающей избе,
Никого здесь, кроме Бога и меня,
Кто оценит мой отчаянный забег –

Вслед за мною по пятам летит гроза,
Гром и молния, и ливень ледяной.
Слава Богу, вот одежда и рюкзак,
И палатка под разлапистой сосной.

Чай на газовой горелке закипел.
Ливень сник, и ветер тучи распушил.
С мокрых веток обрывается капель,
Барабанит по палатке от души.

До чего же мне сегодня хорошо!
В тёплом свитере и вязаных носках
Эти строчки я пишу карандашом
Между строчек на исписанных листках...

Хочу продлить рассвет или закат –
Велосипед беру и мчу на запад,
Вплетает ветерок в полынный запах
Тончайшей дымки света аромат.

Как зрима пыль в невидимом луче,
Так время ощутимо в дымке этой.
Закатной – ближе аромат свечей,
Дымок костра таёжного – рассветной.

И там, и тут живая плоть огня –
Насыщенное временем дыханье.
Рождение дня и угасание дня –
О Творчестве Творца напоминанье.

Пока хватает сил, на запад мчусь,
Как будто нахожусь внутри мгновенья,
Скользящего по первому лучу
Недостижимым даром вдохновенья.

Потом качу тихонечко назад,
Украденное время возвращаю.
Лицом усмешку солнца ощущаю,
Или спиной – надменной ночи взгляд.

Полгоры река слизала,
Выходя из берегов,
И в разрезе показала,
Что внутри окрестных гор.
Словно торт, по вертикали
Рассечённый пополам, –
Снизу вверх слоистый камень
Дыбит красная скала.

Краснокаменную глыбу
Отразило рябью вод,
Словно вспоротую рыбу
По течению несёт...
Что за странные сравненья
Возникают в голове? –
К тарту лучше бы варенья
Вылить в речку банки две!
Сверху кремом – зелень леса,
Словно срезана ножом...
Муравьём ползу по срезу –
Где-то тоже отражён.

Забираюсь вверх по краю,
Гляну – кругом голова.
В эхо с пропастью играю,
Как с поэзией в слова.
Эхо с рифмой чем-то схожи.
В ритме сердца – стопы строк.
Холодок ползёт по коже,
Если камень из-под ног
Вдруг сорвётся
и собратьев
Увлекает за собой,
А они весёлой ратью
По обрыву мчатся в бой,

Мчатся с гиком, мчатся с гудом,
Будто всадники – лихи.
Но внизу каменьев – груды
От обрыва до реки...

Отдышусь и снова лезу,
Мне ведь это не впервой...
Вдоль обрыва мало леса –
Сплошь сосняк нестройной.
Там и тут нагие корни
По-над пропастью висят,
Чуть затронешь – глины комья
Липкой пылью моросят.

Вдруг из веток вранья стая
С громким карканьем снялась.
Хвоя падает сухая...
Покружилась... улеглась...
О, так это же с вершины
Состоялся враний взлёт!
Вон внизу жучком машина
Из Жигалово ползёт.
Крохам-людям сквозь оконце
Ясно видно на заре,
Как скользит лучами солнце
По разрезанной горе.

Впрочем, я там еду тоже,
А на гору лез в мечтах.
Ничего, потом, быть может,
В этих высажусь местах!
И на гору влезу точно,
И с вершины помашу...
Но, наверное, ни строчки
В этот стих не допишу...

Вдоль по падям ползут облака,
Влажный след оставляя на склонах,
Это осенью дышит Байкал,
Дышит медленно и углублённо.

Он расчётливо копит тепло –
Чтобы дольше не сдаться морозу,
Хоть и время ещё не пришло
К холодам относиться серьёзно.

Ведь и травы ещё зелены,
И листву не покрыла полуда,
И гольцы на вершинах видны –
Не покрытые снегом покуда.

Вверх по склонам ползут облака,
Осаждают, клубясь, перевалы,
Не хватает порыва, рывка –
Держит гребень, цепляются скалы.

По макушку гольцы обрядив,
Облака налились, загустели.
А на уровне горной груди
Пелену размочалили ели.

Это ветер с низовья пошёл,
Затянул заливчатскую песню.
Вот теперь облакам хорошо –
Оторвавшись, ушли в поднебесье!

Перезревшая ягода слаще.
Почему же слабее стократ
Уловим аромат уходящий,
Чем её молодой аромат?

Листья тронула ранняя вялость,
Куст просвечивает насквозь,
И сморода, что прежде скрывалась,
Отдаёт перезревшую гроздь.

Предосеннее время лукавит:
Свежесть сладостью заменя,
В уходящее увлекает –
В уходящее без меня.

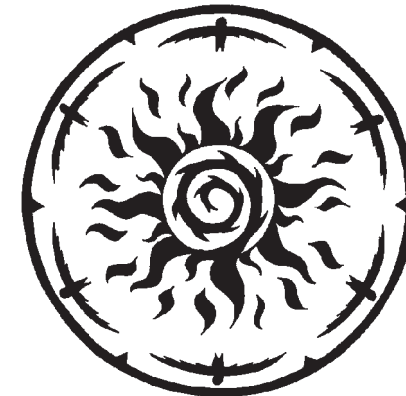
Лист опавший летит над водой,
Узнавая своё отраженье,
И пронзает пространство сближенья
Остывающий луч золотой.

Ощущается времени свист
Между образом и матерьялом –
Зависает над озером лист,
Отражённый мгновением малым.

Всё застыло, и мне не знаком
Этот миг – тишины не нарушу...
Затянуло в зазор сквозняком
По лучу – и отбросило – душу.

А когда – как в замедленном сне –
Обернулась она на движение,
Лист уже прижимался к волне,
Забывая свое отраженье.

К этой мысли я ещё вернусь

Жизнь как сон... Усну или проснусь,
Уходя в заоблачные дали?
К этой мысли я ещё вернусь,
Но её додумаю едва ли!

Всё было так, как есть.

И более того:

Всё будет так, как есть.

А значит, неизменно:

И жизни суета, и слова торжество,
Прорвавшегося вдруг из жизненного плена.

Начало всех начал ветвится сквозь века:
Для взгляда – небеса, для слова – твердь и почва.
За мыслью торопясь, художника рука
Стремится повторить Творца незримый почерк.

Над плоскостью стола, холста или стены
Рождаются миры, проносятся эпохи,
Незримы, как эфир, как воля волн, вольны.
И те, кто их творит, для них творцы и боги...

Но вот – закончен акт
творения.

И твердь

Творения

в своей свершённости застыла.

На все мольбы в ответ художник скажет впредь:
«Всё будет так, как есть...»

Всё будет так, как было.

Как легко нам банальными быть!
Как непросто собой оставаться!
За спиной – соляные столбы
Обернувшихся ради оваций...

Впереди – то ли тьма, то ли свет,
Это разум со зрением шутит.
Ничего там влекущего нет,
Ничего дорогого по сути.

Просто есть предначертанный путь,
Сердцем выбранный так безоглядно.
Ну и пусть, ну и пусть, ну и пусть, –
Это поступь твоя. Ну и ладно.

Искушает публичный успех,
Как сияние кладов несметных.
Так и слышится дьявольский смех
В продолжительных аплодисментах.

«Обернись! Обернись! Обернись! –
Пустота имитирует крики. –
Не тебя вызывают на бис,
Не твои финансируют книги...»

За спиной – соляные столбы.
Впереди только то, что напишешь.
Под ногами – дорога судьбы,
И оваций на ней не услышишь.

МОРОК

В окно, за которым не видно ни зги,
Упорно глядят пассажиры.
То сумрачный морок сужает круги,
По кругу гоня одержимых.
И взгляды их мчатся сквозь чёрный провал –
Видений изменчивых жертва...

Мелькнёт полустаночек – и жернова,
Доступные прихоти ветра,
На мельнице мыслей тоски пустоту
Начнут перемалывать в муку
Душевную...
Что ж вы?
Спросите звезду
Погасшую.
Мёртвому звуку
Ответьте.
И если не видно ни зги,
Смотрите, смотрите упорно.
Ведь брошенный камень рождает круги
На зеркале озера.
Зёрна
В хлеба прорастают.
За каждый ломоть
Оплачено смыслом и сутью...

Душа,
Насыщаясь,
Опробует плоть,
Как зверь за решёткою – прутья.

Пытается душу мою убаюкать дорога,
Колёса стучат осторожно в ночной тишине:
«Осталось немного,
осталось немного,
осталось немного...»

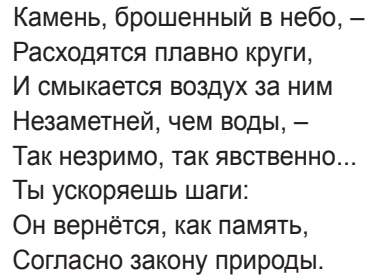
О чём эта песня?
Но с нею спокойнее мне.

Немного осталось, и значит – забыта усталость.
Осталось чуть-чуть – и терпимей оставшийся путь.
И мысли уже о покое – осталась-то малость.
И меньше желания с дольней дороги свернуть.

Я знаю, конечно, я знаю: дорога обманет,
Устроит привал ненадолго, а после опять
Каким-нибудь чудом в закатные дали поманит,
Усадит на поезд, в котором не грех и поспать,

Глаза открывая на каждом ночном перегоне
И вновь отключаясь под песню вагонных колёс.
О чём эта песня?
Когда-то копытами кони
Её настучали, а поезд по стыкам понёс.

Любые слова на дорожную тему ложатся.
Пока тебе машут прощально рукою с крыльца,
Ты слышишь, как в душу зазывные звуки стучатся:
«Ещё далеко,
далеко,
далеко
до конца».

Ты немногим рискуешь,
Забросив в холодную высь
Этот камень с души,
Этот многожды проклятый камень,
Ты не видишь, но чувствуешь:
Гаснут круги синевы,
И смыкается воздух,
Разъятый твоими руками.

Ты уже уходил.
Для чего вычисляешь опять
Ту же точку пространства
И взгляд высоко поднимаешь?
Это – камень с души.
Он со свистом торопится вспять.
Ты не видишь, но чувствуешь.
Сердцем удар принимаешь.

(взгляд из поезда в прошлое)

1.
Вдоль Ангары тумана облака,
А небо чистое –
 в мерцанье ясных звёзд,
Как будто стужи крепнущей рука
Его отёрла, как лицо от слёз.
В глазах промытых отразился свет
По-над туманом выплывшей луны...

Меня, возможно, в этом мире нет.
И не было. Смотрю со стороны.

2.
Тысячу раз я по этой тропе прошёл.
Тысячу лет, вероятно, с тех пор прошло.
Эта тропа – как прорезавший время шов,
Старый рубец – к непогоде его зажгло.

Лево́й руко́й запоте́вшее тру́ стекло,
 Право́й руко́й прикрываю́ от со́лнца взгля́д.
 Ско́лько снегов вдо́ль по э́той тро́пе мело́,
 Ско́лько сле́дов наложи́лось за́ рядом ряд.

Я бы пройти по тропе этой снова рад,
Но никого из знакомых на том конце.
Два километра туда, а потом назад –
Словно с нетающим инеем на лице.

Я не о детстве – о матери-об отце
(Это для сердца – как мятная карамель),
И не о юности (не угодила в цель),
И не о доме (ковчег угодил на мель).

Что-то, о чём невозможно сказать прямой,
Вдруг проявилось так холодно жгущим швом.
Не представляя жизненных перемен,
Этой тропой я так бодро к вокзалу шёл.

3.

Поезд уже громыкает по Братской ГЭС...
Здесь я на скалах для матери рвал цветы.
Так безоглядно наверх по уступам лез,
Не понимая, как страшно они круты.

Но со стремнины увидели рыбаки,
В лодке на вёслах рванулись меня спасать.
Я же, букетик не выпустив из руки,
Вздумал с испугу маршрутом другим слезать.

Помню, когда сорвалась в пустоту нога,
Чётко увидел, как врежется в землю труп.
Камень крошился под пальцами, как труха...
Да оказался пониже другой уступ.

Может,
хранил меня бабушкин добрый Бог,
Может,
наметил в партнёры недобрый бес,
Может быть,
папин характер в беде помог...
В общем,
минут через десять
на землю слез.

Слез и рванул от причаливших рыбаков.
Силы придал долетающий в спину мат.
С ходу на велик запрыгнул и был таков.
Но, с поворота невольно взглянув назад,

Снова увидел, как падая с высоты,
Бьётся о скалы, замедленно, как в кино,
Тело подростка... И, крепко зажав цветы
В потной руке, поднажал на педали, но

Это видение мне обожгло глаза.
Так испугала внезапная темнота!
После прокрутки сработали тормоза,
И повалился туда, где шумит вода.

Пил ледяную, пил, окунал лицо,
Тряс головой и опять окунал в слезах.
Страх неохотно гас, и в конце концов
Мир проявился по-новой в моих глазах.

Через минуту пришлось посмеяться мне,
Не ироничным, но горьким был этот смех.
Прямо под носом желтели среди камней
Те же цветы, за которыми лез наверх.

4.

Братское море сияет в другом окне...
Здесь я студентом однажды зашёл по льду
Так далеко, что представилось чашей мне
Поле снегов, по которому я иду.

Это метель с берегов замыкала круг,
В небо вздымая туманной завесой снег,
Только в зените сиял небосвод, и вдруг
Мне показалось, что вижу себя во сне.

Белому полю как будто границы нет.
Время застыло, закончив свои труды.
Словно в театре – замкнувшийся кругом свет.
В круге спиралью свернулись мои следы...

«Путь завершён?» – я спросил, обращаясь ввысь.
Странный вопрос в девятнадцать неполных лет.
Стало неважно, куда я шёл, и какую мысль
Мне бы навеяла снежная тишь в ответ.

Сладкой истомой и негой дышала грудь
В этом распахнутом в небо колодце грёз.
Если подумать, возможно, ещё чуть-чуть,
Я бы на море замёрзшем и сам замёрз.

Но раскрутился застывший на время вихрь,
Пылью развеялся призрачный сон души.
И сквозь метельные плети, сгибаясь в них,
Я поспешил обратно. Я так спешил,

Будто спасения весть обречённым нёс...
Как, я не знаю, сыскался обратный путь.
Северный ветер меня доводил до слёз
И полной грудью никак не давал вздохнуть.

Так это было или поблизилось так
Памяти алчной спустя три десятка лет?
Дрогнуло сердце –
а может, пустяк, пустяк? –
Мой на земле в ту метель оборвался след,

Кто-то другой за меня эти годы жил,
Жил по-другому – не так, как хотелось мне,
И за меня обо мне же стихи сложил,
И за меня в черноморской тонул волне?

Может, тонул-то другой, а вот выплыл – я?
Так отчуждённо прошли три десятка лет...
Что за ветра мне порошей в окно пылят?
Где и когда я последний куплю билет?

5.
В Братске белые ночи –
Дар высоких широт.
От заката не хочет
Оторваться восход.

В детстве в белую пору
Я из дома сбегал
И то в сопки, то к морю
В одиночку шагал.

Было что-то такое
В полусвете небес,
Что лишало покоя
Ожиданьем чудес.

Лес так сумрачно-матов,
Без привычных теней.
Отстаёт воровато
Звук шагов в тишине.

Кто-то следом крадётся?
Я здесь что-то краду?
Что украл, то найдётся
В тридесятом году!

В Братске белые ночи.
Море цветом, как сталь.
Отражается молча
В нём небесный хрусталь.

Скоро солнце замочит
В нём лучи на ходу.
В Братске белые ночи
Лишь неделю в году.

6.
Возвращаться куда веселее.
Снег сошёл, появилась трава,
На пригорках подснежник синеет.
И свободна от дум голова.

Не надолго свободна, и всё же,
Как всегда, в середине пути
Ни тоска, ни забота не гложет...
Ты кати веселее, кати,
Скорый поезд, по отчему краю,
Где родные живут и друзья.
Я пространства судьбы покоряю,
Где они маяками сквозят.

Возвращенье сродни новоселью.
Переезды нирване сродни.
Принеси мне дорожное зелье
С подстаканником,
проводник!

Казалось, всё совершится в срок,
Хватило бы только сил.
Себе надежду найти не смог,
Хотя другим – приносил.

Как лента Мёбиуса дана
Дорога была во мгле.
Всегда одной стороной луна
Представлена на земле.

По ленте Мёбиуса скользить –
Беспечный аттракцион.
Кончаешь жить – начинаешь жить,
Не зная других сторон.

А хочешь другую узнать – изволь,
Шагни за привычный край,
И если дана без надежды роль,
С надеждой её играй.

Всё искусство –
 сомнение в существовании Бога – по сути,
 Ну а если
 на каждом шагу повторять, что Бог есть –
 так, пожалуй, вдвойне.
 Богомазы! Кого вы там так вдохновенно,
 так страстно рисуете,
 Распиная опять, прибывая к церковной стене?!

 Впрочем, вас вопрошать не умнее,
 чем сотым по счёту потомкам
 Иск вменять за обиды
 давно позабытых Законом племён...
 Что-то пращурь там разглядели такое
 в пещерных потёмках,
 Что сомнение всех на века одолело,
 и долгий мучительный поиск имён,
 Чтоб назвать изначальное, первопричинное,
 непостижимое всеу,
 Что не требует имени, образа,
 поклоненья не ждёт и молитв,
 Докатилось до нас...
 И опять мы бездарно, привычно, напрасно и глупо пасуем
 Перед этой задачей...
 И, чтобы отделаться: образ отлит,
 Имя сказано, бьются поклоны, мистерии входят
 В обиход, еретик полыхает в церковном костре...
 А сомненья уходят в искусство – прибежище гордых,
 Тех, кто всё изначальное чувствует прочим острей.

Всё, что не названо на свете
По именам,
Как в запертые окна ветер,
Стучится к нам.
Взывают призрачные тени:
О назови!
Но – дуновением метели –
Озноб в крови:
Что мы выпускаем в мир беспечный
В обличье слов,
Играя, словно в чёт и нечет,
В добро и зло?
Неназываемое – смутно,
Душа – слаба.
А форма, данная чему-то,
Почти судьба...
Так часто звёздными ночами
Мы слышим зов,
Исполненный немой печали
Нездешних снов,
И отклик вкладываем в звуки,
Томясь тщетой...
О, эти творческие муки
Даны за то,
Что, обустроивая земли,
Копя судьбы своей итог,
Всё ж человек наивно внемлет
Отброшенному за порог
Его сознания
И хочет
Понять,
Давая имена,
Что наперёд ему пророчит,
Открывшись,
БЕЗДНА, ЗВЕЗД ПОЛНА.

В мире столько тайн, столько скрытых сил!
Сокровенный смысл заключён под спуд.
Древо знаний Бог с хитрецей взрастил:
Крона ищет свет, корни тьму сосут.
Ты бредёшь во тьме вдоль глухой стены,
А стена вокруг заперта в кольцо...
Ровно в полночь встань под жерло луны.
Руки вширь раскинь, подними лицо.

Как извёстка, густ отражённый свет,
Собери его, обрати в звезду.
Свет от звёзд идёт миллионы лет,
Миллионы лет звёзды взгляда ждут.
На планете всей ты один как перст –
Влиты в образ твой люди всех эпох.
Посмотри на тень – ты вселенский крест,
Ощути в себе всевселенский вдох.
Под тобой Земли десять тысяч вёрст:
В скорлупе коры – миллионы гроз.
Тусторонний мир омывает день,
В чаше неба – синь с облаками всклень.

Задержи на ней, восхищенье для,
Свой объявший пространство астральный взгляд.
Потому что, и это уже всерьёз,
Дальше только безумные бездны звёзд.
Ты почувствуешь в смертной почти тоске,
Что висишь на серебряном волоске,
И уже до того истончился он,
Что остался лишь рвущий сознание звон...

А потом наступит такая тишь,
А потом наступит такая гладь!
И не ты сквозь бездны стремглав летишь,
Это бездны уже сквозь тебя летят.

Потому что Вселенная – это ты,
Ты – хранилище тайн и сокрытых сил.
Но тебе нет дела до суеты
Галактической, атомной... Ты вместил
Только то, что было и до тебя.
Ну а сам-то ты затерялся где?!
Где теперь тебе отыскать себя?
Постарайся вспомнить о той звезде,
Что зажгёт, собрав отражённый свет
В окружение тьмы под жерлом луны...
Вот и нити серебряной тонкий след
К небесам, что всклень облаков полны...

Ты вернулся в плоть, будто пар в сосуд,
И, вернувшись, молвил, потупив взгляд:
«Если кроны тьму из корней всосут,
Древо знаний станет вратами в ад.
Если корни свет в себя втянут вдруг,
То нарушится времени вечный ход,
И навечно вечность замкнётся в круг.
Для того-то и нужен запретный плод...
Для того-то и нужен подлунный мир...
Вот и весь тебе сокровенный смысл...
Мне астрал, как потопом, мозги промыл,
Чтобы стала отчётливей эта мысль...»

.....
Мой двойник от зеркала отошёл,
Ну и я отодвинулся в глубину,
А потом – за край стекла: «Хорошо, –
Прокричал ему, – что не смог Луну
Повернуть невидимой стороной,
То-то был бы в астрале твоём сквозняк!
Ну, куда ты?! Побыл бы ещё со мной:
В мире столько тайн – сосчитать нельзя.

Камнем Сизифовым в гору – день.
Камнем Сизифовым ночь – с горы.
Проще верёвку в иголку вдеть,
Чем изменить череду игры
В грехопаденье.

Восстань, Сизиф,
Гордо, как солнце восходит над
Мёртвым Олимпом.

И – в новый миф,
Где серебрят Гефсиманский сад
Лунных ночей голубая взвесь.
Свистнешь – собаки поднимут вой.
Новая эра начнётся здесь,
Камень на спящих обрушив свой.

Каждый рядится в тогу судьи...
Хоть и сказано неумолимо:
Не суди и не будешь судимым.
Суд заложен в основу судьбы.

Что ты знаешь о прошлом? –
Судя
По чужим заказным пересудам,
Там, где лжи наворочены груды,
Грех берёт на себя судия.

Вырывая из прошлого клочок
Для оборванной куцей цитаты,
Мы в гордыне и лжи виноваты,
Испытав осужденья восторг.

Сталин, Ленин, убийцы царя
И убийцы-цари – неподсудны
В нашей суете. И даже Иуды
Не коснись осуждением зря.

Божья воля – на всё и на вся.
Божий суд всех земных совершенней.
Так зачем подставлять свою шею,
Об иудиной проголося?!

Даже церковь, в своей правоте,
Предавая анафеме душу
Согрешившую, заповедь рушит.
Божий суд на другой высоте!

Не грешу ли и сам я уже,
Выражая такие сужденья?
Осуждение, как искушение,
Червоточины ищет в душе.

Когда бросает кто-то слово «чернь»
Или иначе «ластится» к народу,
Я отвечаю: да, я чернь, я червь –
И предлагаю прямо плюнуть в морду,
В моё простонародное мурло
За то, что мне простая жизнь отраднa,
Что мне отвратны ненависть и зло,
Что мне таких «наставников» не надо,
Которые, толкаясь, лезут вверх,
В князья из грязи, из навозной жижи,
И принародно празднуют успех –
Успех отрыва от народной жизни.

И вот вопят, гордясь незнамо чем,
Чтоб не ошиблись в почестях потомки:
Народ – иуда, бестолочь и чернь.
Всё кверху дном, когда вверху подонки.

Не всё в порядке у большой страны,
На западную клюнувшей свободу.
Но не народ, а выскочки больны,
Швыряющие грязь в лицо народу.
Один стихов две тыщи накопал,
Другой взобрался в кресло депутата,
А третьего возвысил капитал,
Возросший на украденных зарплатах.
Любая бездарь славу обретёт,
Продав себя опошленной эстраде.
А выше всех себя возносит тот,
Кто преуспел во лжи или разврате.

Но, в Божий храм войдя, они тихи,
Они фальшиво молят о прощенье...
Священник, отпускающий грехи
Всей этой нечисти, воистину священен!

По жизни, не отмеченный ничем,
Что вносят в поминальники потомки,
Идёт народ; для бесноватых – чернь;
В историю уходит, как в потёмки.
Но лишь над ним ещё сияет свет,
Лишь от него духовный свет исходит:
Народа нет – тогда и Бога нет!
Бог – это свет, рассеянный в народе.

И всем, его клеймящим словом «чернь»,
От омерзенья искажая лица, –
Я говорю: одумайтесь, зачем?
Ещё не поздно вам остановиться.

Я ПОМНЮ...

1.

Я помню вкус советской водки,
Советской колбасы и хлеба.
А ты мне снова о свободе.
Свобода избранных – нелепа.

Для всех советские больницы
Открыты были и бесплатны.
С такой свободой как сравнится
Твоя отдельная палата?!

Ты помнишь, как тебя учили
В советской школе, без поборов?
Детей от вузов отлучили
Не реформаторы, а воры.

Твой кошелек от денег пучит,
Тебе плевать на всяких прочих.
Твоих детей Сорбонна учит.
А нам ЕГЭ мозги морочит.

Твой самолёт новейшей марки,
Пилоты лучшие из лучших.
А нам – с американской свалки,
И за штурвалом недоучки.

Ты на шикарном теплоходе
Плывёшь купаться на Гавайи.
Народ концы с концами сводит –
Проехать лишний раз в трамвае.

Бюджет – заплата на заплате.
Ты деньги гонишь за границу.
Твоя безумная зарплата
Нормальным людям и не снится.

При всех потугах телестудий,
Лицом не станет волчья морда.
Твоя свобода есть, по сути,
Свобода власти от народа.

2.

Я помню вкус советской водки,
Советской колбасы и хлеба.
Режим обратной перемотки
Включает память, и нелепо
Звучат все байки о картонных
Колбасах, водке из опилок...
Страна держалась на талонах,
Но на эрзацы не купилась.
И колбаса была из мяса,
И молоко из-под коровы,
И водки выпивали массу,
Но были живы и здоровы.

Законом были меры ГОСТа,
И меры эти были вески...
Всё изменилось в девяностых,
Когда сломали пресс советский.

Тогда, увы, не с небосвода,
А из каких-то ям зловонных
Свобода хлынула, свобода!
Для десяти из миллионов.
Свобода лгать, свобода грабить
Страну и продавать на Запад.
Народ реформами угробить
Вернее, чем ракетным залпом.
Травить людей палёной водкой,
Продуктами из химикатов
Спокойней, чем прямой наводкой
Или крошить из автоматов.

Чтоб отучить и мыслить даже,
Не то, что говорить открыто,
Для журналистики продажной
С лихвой наполнили корыто.
Глотнув гнилой свободы сдуру,
Или по внутренней потребности,
Творят эрзац-литературу
Мечтатели о лёгком хлебе.

Как лошадям потребны шоры,
Когда задача – только прямо,
Электорату – в глупых шоу –
Тупеть заложена программа.
Но уповающий на пошлость
Себе покоя не обрящет,
Когда народ, забыв о прошлом,
Осатанеет в настоящем.

Что нам до мучений липучкой обманутых мух,
До тщетных усилий прилипшие лапки отклеить...
Мы даже не можем представить их крошечных мук,
Их жажды смертельной...

Да лишь бы подошли скорее!

Когда мухобойку мы в руки со злостью берём –
Ну, сколько же можно терпеть их тупую породу! –
Мы ради спокойствия в доме мух яростно бьём...
А если представить, как мы истязаем природу,

То люди тупей и назойливей мух для Земли.
Что ей до мучений существ неразумно разумных!
Когда мы увязнем в пустынных песках и в пыли,
То, может, припомним
слабеющих крылышек зуммер.

Допустим, ты воскрес из мёртвых –
Возобновилась жизни нить...
В какие постучать ворота?
Кому с восторгом позвонить?
Прошло... ну, скажем, четверть века,
Всего-то двадцать пять годов.
А где отыщешь человека,
Который воспринять готов
Тебя, воскресшего, таким же,
Каким ты был среди людей?..
Сюжет, конечно, слишком книжный,
И всё же: где?

Ты для науки интересен,
Возможно, был бы, но пойми:
Слова «воистину воскресе»
Впустую ходят меж людьми.
Тебе и внуки не поверят,
Того, ушедшего, любя...
И только психиатры двери
Откроют настежь для тебя.
Бомжи непринятого примут,
И у помойного костра
Ты ненадолго станешь примой,
Твердя, как глупо воскресать.

Вольному воля – дорога пряма.
Вместо пароля – пустая сума.
Если останется дале пуста,
Значит, откроются рая врата.
Разве ты станешь рядить да гадать:
Стоит не стоит туда попадать?
Стоит не стоит туда заходить?
Разве подумаешь: что впереди?
Рай – априорно – желанный итог
Судеб нелёгких и трудных дорог.

Если прямая дорога легка,
Это наживка на дурака.
Если в суму миллионы суют,
Адские цепи из денег куют.
Если готовы нести на плечах —
Цель путешествия — адский очаг.
Вольному — воля. Безвольному — вол
С возом пожитков, чтоб медленней шёл.
Если ж его разорит простота,
Значит, откроются рая врата.

Разве он станет гадать да рядить:
Стоит не стоит туда заходить?
Разве он спросит стоящих у врат,
Чем разоривший его виноват,
Разве его он пропустит вперёд,
Перекрестившись у райских ворот?

Если прямую тропу изогнуть,
Замкнутым кругом становится путь.
Люди по кругу идут, озирая
Стены для них недоступного рая,
И исчезают, поняв ли едва,
Что угодили на жернова.

Древней злобой засеяно поле.
Что взойдёт через тысячу лет?
Поднимается жёлтый скелет,
На плече золотой эполет, –
Посмотреть, что творится на воле.

Отряхнув эполет от трухи,
Он вставляет в глазницы гнилушки,
И плывут световые круги...
На его костяные шаги
Отзываются лязганьем пушки,
В бэтэрах и танках стучат
Пусковых шестерён кастаньеты...

Стылый ветер срывает с плеча,
Завывая и хохоча,
У скелета огонь эполета.

Запылал в размороженном зле
Эполет, бахромою увитый...
И опять на бесплодной земле,
Угольки раздувая в золе,
Завязались кровавые битвы.

Я добрался до края земли...
Кто сказал, что Земля – это шар?!
Я у края, в поту и в пыли,
Свесив голову в пропасть, лежал.

Это край, за которым ни зги
Не узришь в бесконечности тьмы.
Лишь обрыв небосводной дуги
Серебристым сияньем размыт.

Нету космоса – всё это бред!
Чей-то разум, коварней ножа,
Начертал очертанья планет
И названия дал миражам.

Всё – химеры! Устав от химер,
Я добрался до края земли.
Здесь привычных не встретится мер,
Здесь часы изначально не шли.

Я шагнул бы вперёд, в темноту,
По небесному склону скользя.
Но нельзя заступить за черту...
И обратно вернуться нельзя.

Я добрался до края земли,
Отвергая душевный раздрай...
Это камни в поту и в пыли.
Это люди, узревшие край.

Жизнь была не такой, как была,
А такой, какой получилась...
Ты закусывал удила,
Но ведь сдался судьбе на милость.

И поэтому всё, что ты
Мог расписывать гордо внукам,
Не реальнее, чем мечты,
И бессмысленней, чем наука.

Настоящее, как пожар,
Выжигает следы бывшего.
Да и память съедает ржа,
Коль в припасах одна половина.

Обесцениваются дела,
Не приведшие нас к итогу...
Ты закусывал удила,
Да свернул не на ту дорогу?

Может, только один из ста,
Или даже из многих тысяч,
Смерть целую свою в уста,
Пользу в жизни своей отыщет...

Не отчаиваюсь, ведь есть
Высший суд – уповает вера.
Нам его недоступна весть,
Нам его неизвестна мера.

МУЗА МОЛЧАНИЯ

- Музы к поэтам приходят ночами,
Прямо с Парнаса спускаясь в долины.
Ты снизошла ко мне, Муза Молчания,
Мартовской ночью отчаянно-длинной.
В облике смутном, как пламя свечи, –
Палец к губам приложила: молчи.

Молча сидела со мной до рассвета,
Перебирая листы со стихами.
Эхом всплывали созвучия где-то
В мире не этом, а здесь – затихали.
Вот и рассвет возжигает лучи.
Муза призыв повторила: молчи...

Встала, смахнув бумаженции в угол,
Властно к губам моим ждущим прильнула.
В грудь не вложила пылающий уголь,
Холод молчания в душу вдохнула.
И угасая, как пламя свечи,
Палец к губам приложила: молчи.

Что мне явление это открыло,
Я бы, пожалуй, не понял, невежа.
Муза Молчания заговорила
Внутренним голосом тихим и нежным.
Голос по телу волной проплывал,
Словно меня изнутри целовал:

«Жемчуг, мой милый, песчинки вначале,
Если не вызреет – мелок и мутен.
Так и стихи созревают в молчанье,
Как у жемчужниц таясь в перламутре.
Створки откроешь в назначенный час –
Словно во тьме загорится свеча.

Это и будет твоё озаренье.
Вымолчись, милый, томясь и страдая.
Стихотворение – это – творение...
Истинным словом молчанье подарит.
Только представь себе, как хорошо
Мысли записывать карандашом.

Все неудачи сотрутся бесследно:
Сколько вобрал в себя глупостей ластик!
Где он – молчания тихий посредник,
Литературы неизданной классик?...»
Муза Молчания – мой поводырь!
Черновики протираю до дыр.

Стихотворение – это – творение!
Словно ступеньки к творению, множится
Строчек, стираемых мной, наслоение...
Вдруг промелькнули в сознании ножницы:
Букву в названии стёр я нечаянно,
И получилось-то: «...уза молчания».

«Узы молчания!» – словно из плена
Вырвавшись, звука струна задрожала.
В комнату гордо вошла Мельпомена,
Талия следом со смехом вбежала,
Грустно – Евтерпа, Эрато – с усмешкой,
И Полигимния – с гимном, конечно!

Гимн посвящался сестре Каллиопе –
В ратной трактовке казачьего хора,
Что гастролировал с нею в Европе...
Клио, Урания и Терпсихора,
Не понимая в стихах ничего,
Тешили где-то своё естество.

«Так! – Мельпомена нахмурилась грозно. –
Где потерявшая стыд самозванка?
Мы появились, надеюсь, не поздно –
Вывернуть душу её наизнанку!
Папочка-Зевс был по бабам ходок,
В сети красотку немую завлёл.

Та разродилась и сгинула где-то,
Как провалилась, ни духу, ни слуху.
Но воспитала молчальницу эту
Мать-Мнемосина в отместку супругу.
Ну и явилась она на Парнас,
Да и учить ещё вздумала нас!

Мол, расплодили поэтов без счёта,
Вот и строчат, как в безумии пьяном.
Нет поэзии больше почёта:
Горстка поэтов, полно графоманов...
Мы и спустили нахалку с горы!
Жаль, не отправили в тартарары».

«Папа, – сказала Эрато лукаво, –
Женщин любил бескорыстно и с честью,
Секс не считал за пустую забаву:
Что ни любовь – то звезда, то созвездье!
Жаль, что стихов не писал он при этом,
Был бы великим любовным поэтом!»

Тут и Евтерпа вступила в беседу:
«Я на отца не в обиде, не сдуру
Семя он сеял в Европу и Леду –
Минос, Элен, близнецы Диоскуры...
Не перечислишь известных имён.
Что же с немой опрофанился он?»

У Полигимнии в песне, как в прозе,
Главное – логика и запятые:
«Был громовержец, конечно же, грозен –
Вспомните бычьи глаза, налитые
Кровью, когда и его, и меня
Ваша сводила с ума болтовня!»

Талию взял гомерический хохот:
«Ой, уморила, сестрица-гимница!
Может, острее олимпийская похоть,
Если без слов отдаётся девица?!
Вот и расслабилась богодуша!
Вот и с зачатием он оплошал!»

«Хватит! – вскричал я, теряя терпенье, –
Это безнравственно! Это жестоко!
Вы мне испортили стихотворенье
Вашей бездарной языческой склокой!
Места другого, видать, не нашли.
Вспомните лучше, зачем вы пришли?

И объясните, пока не забылось
Мне в этом торжище жестокосердном,
Что с олимпийским владыкой случилось:
«Был» – говорите о боге бессмертном?
Вы-то вот здесь, и сидите рядком.
Зевса куда унесло сквозняком?!»

Оторопели красавицы-музы.
Как же! Привыкли ходить в пиитете,
Гордость людскую завязывать в узел!
Внутренний голос мне робко ответил:
«Бог, если люди его предают,
В новых мирах обретает приют...»

«Так! – Мельпомена нахмурилась снова. –
Ты, я гляжу, сочинитель отчаянный...
Если не хочешь остаться без слова,
Выдай, по-доброму, Музу Молчания.
Если не выдашь, то мы вас вдвоём,
Как Прометея, к скале прикуём!

Выдать по-доброму... Экая выдра!
Вот привязалось нежданное лихо...
Суть не в сомнении: выдать – не выдать?..
«Гамлет... – хихикнула Талия тихо. –
Как эротично, Эрато, смотри:
Женщину чувствовать... где-то внутри!»

А Полигимния съёжилась будто,
В угол глядит, где пылится бумага...
«Я, – говорит, – посчитаю за чудо,
Если в поэте проснётся отвага...
Где-то у бездны... На самом краю...
Честь и отвагу я в гимнах пою...»

Вдруг в коридоре послышался топот,
Ржание... Возгласы... Дверь распахнулась,
Спрыгнув с Пегаса, вошла Каллиопа
С видом воинственным и... улынулась:
«Дамы, товарищи и господа!
Я прямо с хором казачьим сюда!»

«Легче слону поместиться в сортире, –
Талия прыснула, в общем-то, к месту, –
Чем в этой маленькой тесной квартире
Хору казачьему с музами вместе!»
«Шутка, сестра, – Каллиопа в ответ. –
А про слона?..» – и ушла в туалет,

Крикнув оттуда, чтоб ставили чайник.
...Чайник вскипел, мы сидим за столом.
«Снова охота за Музой Молчания?
Лучше, сестрицы, споём о былом!
Ну, вот хоть это возьмём для примера...»
И затянула по-русски Гомера.

Песню компания не поддержала.
А Мельпомена – та вскинулась в гневе
Так, что Евтерпа почти задрожала:
«Цыц! Не Гомер это вовсе, а Гнедич.
Русский писака – Гомер не таков –
Высмеял спор олимпийских богов!»

«Ладно, – смирясь, Каллиопа сказала, –
Чем же ещё нас опять опечалила,
Вырвав меня из концертного зала,
Эта негодница Муза Молчания?
Впрочем, и прошлых хватает вполне
Выходок, чтобы задуматься мне.

Я понимаю, что как-то... нелепо-с...
Паузу делать, отдавшись Эроту,
Долгим молчанием сдабривать эпос...
В общем, сестрицы, включаюсь в охоту.
Жаль, казаков отпустила, они
Были бы к месту для этой возни.

Ох, боевые, скажу вам, ребята,
Саблями машут на сцене – ого!..»
Тут перебила сестрицу Эрато:
«Ну а в постели они – ничего?
Если в любви, как на сцене, лихи,
Пусть эротичные пишут стихи...»

«Хватит! – вскричал я. – Закончены прения.
Мне надоело выслушивать вас.
Начал короткое стихотворение,
А получается... длинный рассказ.
Вы мне своим опротивели видом!
Музу Молчания я вам не выдам!»

«Вот молодец! Мне такого бы сына,
Я бы навеки спокойно уснула, –
В комнату тихо вошла Мнемосина
И заговорщицки мне подмигнула. –
Хватит, девчонки, чаёвничать тут,
Вас на Парнасе поклонники ждут».

Не попрощавшись, девицы отчалили,
Лишь Мнемосина махнула рукою...
Может, оставили Музу Молчания
Хоть ненадолго в душевном покое?
Только, что делать мне с нею теперь?
Ржание, цокот, открытая дверь...

Музы-то, музы, забыли Пегаса!
Внутренний голос – с ласканием нежным –
Мне прошептал: «Не волнуйся напрасно.
Музы вернутся к тебе неизбежно.
А на Пегаса садись и скачи.
Ну а как вспомнишь меня, помолчи...»

Что-то в груди у меня приключилось:
Вроде как сердце рванулось куда-то,
Остановилось... И снова забилося,
Но неуверенно так, виновато...
Впрочем, до сердца ль поэту сейчас,
Если в прихожей заждался Пегас?!

2. И полетело! Подхваченный вихрем,
 Стал я, как эхо, безвольно-безликим.
 Звук! – И на звук откликается рифма.
 Блик! – И рождается образ из блика.
 В жилах – не кровь, а строка за строкой –
 Вскрой, вместо крови польются рекой!

Скользом сменяли друг друга детали,
 В каждой сюжет поэтический крылся.
 Мир, по которому мы пролетали,
 Словно себя показать торопился,
 Сам по себе устремляясь под нас.
 Крыльями даже не двигал Пегас.

Строфы, как будто монетки в копилку,
 Радостно звякая, падали в память.
 Вечный билет на Парнас я купил бы
 Вместе с дарующей первенство пальмой,
 Если бы знал, как монетки добыть,
 Чтобы при этом сосуд не разбить.

Рифму заело... Как джин из бутылки,
 Вырвалось страшной усталости пламя,
 Невыносимая тяжесть в затылке
 Взыла о память заполнившем хламе.
 Что оставалось Пегасу? – Вздохнуть:
 «Что ж, на природу махнём отдохнуть...»

Сколько уже о природе стихами
 Сказано! Кстати, в поэзии древней
 Лирики редко о Флоре вздыхали,
 Больше об Эросе, даже в деревне...
 Конь мой крылатый из тех же времён,
 Помнил о теме излюбленной он.

Если мой взгляд утомляли пейзажи
 (Все Би-би-си записало на диски),
 Мчался Пегас на нудистские пляжи
 И пролетал по возможности низко –
 Чтобы в деталях девиц разглядеть,
 Но и копытом кого не задеть!

Тут же, случилось, крутилась Эрато,
 Тоже невидима людям при этом,
 Кадры выщёлкивая аппаратом
 Пооткровеннее – для Интернета.
 Может, на снимки взирая, поэт,
 Выдаст стихи эротичные в свет.

Правда, сама-то при этом зевала...
 Но любопытно, что и у меня
 Всплесков поэзии не вызывала
 Млевшая в пляжном тепле голышня.
 Наоборот – опустело в мозгу.
 Значит, я скачку продолжить могу!

«Но почему, – у Пегаса спросил я, –
 Ты в перелёте стремительно-плавном
 В ход не пускаешь могучие крылья,
 А рассекаешь пространство, как планер?»
 В крыльях Пегаса продёрнулась дрожь.
 Он мне ржанул: «А с ума не сойдёшь?»

И понеслось! Разве мог я представить,
 Что, сочиняя в уютной квартире,
 Как через плотно закрытые ставни,
 Я получал представление о мире.
 В пыльном луче, просочившемся в щель,
 Истину видя, как меру вещей.

Рухнули ставни! Упала завеса!
 Луч распахнулся мерцающим веером.
 С первого взмаха под крылья Пегаса
 Хлынул поток, называемый временем.
 В этом потоке клубились века –
 Так же изменчивы, как облака.

Тени от них по Земле пробегали,
 Определяя событий течение:
 Люди толпились, дрались, постигали,
 Рушили, строили, жгли, воздвигали,
 Гибли в сраженьях, творили, свергали
 Старых богов, создавали учения...
 Полюбовавшись на игры ума,
 Всё поглощала безмолвная Тьма.

Тьма – это странное образование:
 Хаос, непрочно прошитый устоями, –
 Как сепаратор для так называемой
 Признанной официально истории.
 А чтобы сливки казались вкусней,
 Толпы искусств приспособлены к ней.

В общем, сказал я себе, не напрасно
 Муза истории с прочими музами
 Помещена на вершину Парнаса,
 Кровными с ними повязана узами.
 Только изгнанница – (где же она?) –
 Правде хотя бы молчаньем верна!

Ладно! Уж я-то молчать-то не стану.
 Нет мне резона молчать об увиденном.
 Правду, как меч заржавелый, достану –
 Словом очищу, негромким, обыденным.
 Противу прочих, которых не счесть,
 Главным оружием сделаю честь!

Что-то внутри у меня колыхнулось...
 Муза Молчания?

Эк, не ко времени!
 Истина мне наконец улыбнулась!
 Строфами правды сознание беременно!

Что это?! – Тьма разразила грозу,
 И изменилось пространство внизу.

Мир оказался мифически плоским...
 Вроде блина с подгоревшей каёмкой.
 Пыльной дорогой тянулись повозки,
 Топало воинство с песнею громкой,
 Рощицей копья качались над ним,
 Песня была «Марсельезе» сродни...

Дальше летим, опускаясь полого.
 Вдруг над рекою – пролёты моста,
 Лес перерезан железной дорогой,
 Мчится по ней, громохоча, состав.
 И на вагонах – во всю-то длину –
 Надпись задорная «На целину!»

Рокот возник нарастающий где-то,
 Огненным бликом хребет озарился,
 И над горами взлетела ракета...
 Тут на поляну Пегас опустился –
 Крылья пресытились время толочь.
 Сразу, как занавес, рухнула ночь.

Здесь оказалась пещера. У входа
 Робкий костёр начинал разгораться.
 Встречь нам незлобно оскалилась морда –
 Судя по черепу, неандертальца.
 А по строенью надбровий и век –
 Был гейдельбергский ещё человек!

Мысли мои, промелькнувшие фоном,
Как-то пещернику стали понятны –
Словно по сотовому телефону,
Страшно фона, возвратились обратно,
Спрятав ответ добродушный внутри:
«Умник какой! На себя посмотри...»

Тут, как на зов, из пещеры шагнула
Голая – с мини-повязкой на бёдрах –
Женщина. Зеркальце мне протянула...
В зеркальце глянул – какая-то морда!
«Что там диктует моя картотека?
Череп и челюсть – австралопитека!»

Господи! Как же мне череп сдавило!
Плющит с боков и особенно сзади...
Женщина мне улыбается мило,
Садит, по шерсти остаточной гладит
И подаёт здоровенную кость:
Ешь на здоровье, из прошлого гость!

Ну а хозяин, понятное дело,
Кинулся в ревность и с мордой наморщенной
Телепатнул: «Ты, чего, обалдела?!
Женщины тысячу лет как не общие!»
И... обратился ко мне по-английски:
«Водку, текилу, коньяк или виски?»

Я по-английски вообще ни бельмеса
Не понимал. Но со сдавленным черепом
Речь, как у лорда, наружу полезла –
Всё с поговоркой да с нравоучением,
Мол, в стародавние-то времена
Пили культурно, а не допьяна...

Женщина, знай себе, нам подливала,
Грудью при этом, качая игриво,
То муженька, хохоча, целовала,
То вдруг трепала меня за загривок.
Внутренний голос пробился: «Хи-хи,
Это ж Эрато залезла в стихи...»

Но в черепушке австралопитекской
Места для мыслей уже не осталось.
Вся она разом наполнилась сексом...
Да подкосила по пьянке усталость.
Утром проснулся – трещит голова,
И на Пегаса взобрался едва.

Конь мой летучий в полёте не мешкал...
Вихрем взлетел по парнасскому склону.
Хоть и косилась Эрато с усмешкой,
Музы ко мне отнеслись благосклонно.
Опохмелив, накормили борщом
И обещали поддержку во всём.

Дома за труд я немедленно взялся,
Истину миру поведать влекомый,
Взяться-то взялся, да как ни старался,
То получался сюжет пустяковый,
То находилось событий на грош,
То в каждом слове топорщилась ложь!

Словно какая-то чуждая сила
Мысли и руку мои направляла:
«Главное, чтобы звучало красиво,
Главное, чтобы слова окрыляло!
Фразы крылатые, духом легки,
Сквозь времена покорят языки!»

То я сдавался – и строки летели,
Но не в моей, а в неведомой власти.
То упирался – летели недели,
Словно стирал их невидимый ластик...

Ластик! – как шар, угораздивший в створ,
«Эм» не случайно заглавное стёр.

Узы молчания... Муза Молчания,
Где ты? Устав от безудержной гонки,
Я о тебе вспоминаю печально.
Пусто внутри, неприятно и горько.
Вспомню о том, как молчали вдвоём, –
Твой поцелуй расцветает огнём.

На грани сна, едва закрыл глаза,
Меня тревожат чьи-то голоса,
В могильно-запредельной тишине
Чужие мысли тянутся ко мне.
Они хотят прорваться сквозь меня
К реальности сегодняшнего дня.
Они всегда напористо-тихи,
А иногда слагаются в стихи...

.....
.....

Я повесился в «Англетере»...
И не надо убийц искать.
Вы бы сами к петле взлетели,
Если б вам такая тоска!

Как мозолям в ботинках тесно,
Так истёртой душе в груди...
Перекишшее жизни тесто
Не поднимется – лишь смердит.

Бабы чёртовы лезут в музы.
Черти рядятся в голых баб.
Рифмы вяжутся, будто узы.
Был творец – оказался раб.

Вместо чёрного человека
Заурядный кабацкий бес...
Тело собственное так веско,
Если вырвать на горло вес.

Бесполезно считать потери –
Наберётся на медный грош.
Тот, кого убил в «Англетере»,
На меня совсем не похож.

Вместо золота – ржавая жесь.
Вместо почести – барская милость...
Но не стоит придумывать жизнь
Вместо той, что уже получилась.

По возможностям прошлым блуждать,
Повторяя: «Ах, если бы...», – глупо.
Там, где ты потерял благодать,
Лишь фантомные боли да струпья.

Там, где ты верный шанс упустил,
Делят поле репей с чернобылом.
Та, которую ты не простил,
Не тебя, полюбив, разлюбила...

Там, где ты пропустил поворот,
Колея зарастает бурьяном,
Там, где ты не заметил восход,
Небо дышит закатом багряным.

Небо дышит... проходят года.
Небо дышит... мгновения мчатся.
Уходить, не оставив следа, –
Вот замена неверного счастья.

Как дитя, на судьбу положишь –
Ту, что против тебя ополчилась,
Потому что придумывал жизнь
Вместо той, что уже получилась.

Я под красным огоньком на железной двери
Кнопку мёрзлую найду, пальцем надавлю...
За решётками живут люди, словно звери,
Но любой из них хоть раз да сказал «люблю».

Что услышано в ответ, в общем-то, неважно,
Даже если жизнь пошла наперекосяк...
Кто-то выпустил в окно самолёт бумажный –
Он упал к моим ногам – с надписью «дурак».

Самолётик подберу, сохраню на память.
Я по старым адресам больше не хожу.
Если снова захочу прошлое исправить,
Пусть меня предупредит кнопки холодок.

На меня, как на врага народа,
Посмотрела кошка и пошла,
Вот ведь сатанинская порода –
Аж насквозь презрением прожгла...

Чем я перед нею провинился?
С кресла снял, на стул переместил
Вежливо и даже извинился,
Мол, работать надобно, прости.

Вежливостью гнева не остудишь.
Разомлев на мягком и в тепле,
Кошка не желает знать о стуле
И меня винит в коварном зле.

Бог с тобою, кошка, ведь и люди,
Если их радушно принимать,
Любят, чтобы всё им как на блюде,
И чужое место занимать.

А попросишь – разразятся гневом,
Не оставят пуха и пера.
Так что царствуй, кошка-королева,
Но пока на стуле, будь добра.

МОМЕНТ ИСТИНЫ

Не в магическом кристалле,
Не в каком-то вещем сне...
У меня глаза устали
Видеть истину в вине!

Вроде как контрольный выстрел –
Принял литр – и вот она.
А я ведь пью не ради истин,
Ради, собственно, вина.

Кто её туда, заразу,
Эту истину упёк?
Кто придумал эту фразу?
Где искать её исток?

Я бы этому «истоку»
Вместо доброго винца
Пожелал залить бы в глотку
Раскалённого свинца!

Тут как раз включился «телек»,
Сам собой, ядрёна мать,
И давай мне про Алкея
Древнегреческого врать,

Мол, напившись на пирушке
В честь титанов и богов,
Он сказал своей подружке,
Обольстительной Сапфо,

На чистейшем эолийском
Диалекте языка,
Что, мол, истина не в виски,
Не придуманном пока,

Не в текиле и не в джине
(Здесь согласен я вполне –
Видел цены в магазине),
А единственно – в вине.

И Сапфо не возражала,
Лезла друга целовать,
Хоть, по слухам, уважала
Лишь лесбийскую кровать.

Выпив третью чашу кряду,
Наш Алкей сказал, грустя,
Что вино откроет правду,
Хоть и «милое дитя».

Что толочь, как воду в ступе,
Чувства к ней ему невмочь,
Что Сапфо его не любит,
Лишь забавиться непрочь...

«Да пошли вы все с любовью!» –
Я канал переключил
(Пульт лежал у изголовья),
И такую получил

Информацию при этом:
Как овцу из стада волк,
Эту фразу у поэта
Плиний Старший уволок.

Сократил до афоризма,
В этом деле он мастак,
И пустил гулять по жизни,
Представляя дело так:

Дай кому вина напиться,
Чтобы разум сник во тьме,
И узнаешь, что таится
У того-то на уме.

Может, сам неоднократно
Сей использовал «таран»
Плиний Старший – прокуратор
Подчинённых Риму стран.

Распинал ли в этом званье
Он кого-нибудь, бог весть,
Но спецом в естествознанье
Точно стал – и книга есть.

И вот в этой книге, значит,
Среди прочих что да как
Аформизов нафигачил –
В этом деле он мастак!

Вот кого сейчас разую
Так и сак наискосок!..
Ан, не выйдет – сам Везувий
Жизнь учёную пресёк.

Любопытство обуяло
Извержение подсмотреть
И подплыл – Везувий лавой
Плюнул – вот тебе и смерть.

Не свинец, конечно, в глотку
(То есть я тут не при чём!),
А расплав породы в лодку –
Даже думать горячо!

В общем, жаль, ведь смелый парень,
Пред вулканом не дрожал.
Если б «истину» не впарил,
Я б его зауважал...

Выпил снова и закуске
Оказал, конечно, честь.
Тут и вспомнил, что по-русски
Эта мудрость тоже есть:

Что в уме тверёзый держит,
Как заначку в кулаке,
Пьяный правду-матку врешет –
Враз она на языке.

Только в мудрости народной
Кто же автора найдёт?!
Обижаться сумасбродно
Мне на весь честной народ!

Выпил снова. Пялюсь в «ящик»,
Влез с политиками в спор.
Но они трезвы, и значит,
Прячут истины топор.

Мне бы к Путину пробиться.
Я б сказал такую речь:
Нужно всей страной напиться,
Вместе истину изречь.

Не на праздник новогодний,
Чтоб потом не совмещать,
Если станет нам угодно
День Воспитья отмечать.

Не в субботу – день библейский,
Как бы что чего не вкось.
И не в среду – у семейских
Это постный день насквозь.

Да и пятница туда же,
Понедельник – ох, тяжёл.
В общем, если карта ляжет,
Вторник – будет хорошо.

Есть ещё одна забота –
Часовые пояса:
Кто-то пьёт уже, а кто-то
Лишь со сна продрал глаза.

Ведь у нас по всей России
Целых девять поясов!
Пить со всеми – станешь синий
Через несколько часов.

В механизме этом подлом
Арифметика важна.
Пить начнём в московский полдень,
Как единая страна.

А когда нагрянет полночь
В Анадырь и Магадан,
Каждый истиной по полной
Будет точно обуян.

И пойдёт Россия в гору
С этой истиной одной,
Что, подобно эгрегору,
Распрострётся над страной.

Ну а чтобы эгрегора
Энергетикой питать,
Можно каждый год упорно
Снова истину пытаться.

Будет ладно всё и складно,
Если в этот день к утру
Водку всем давать бесплатно –
Литр на брата и сестру.

Не палёную химеру,
От которой мрёт народ,
А хоть «Путинку», к примеру,
Что «Кристалл» в бутылки льёт.

До советской водки, правда,
И «Кристалл» не дотянул.
Но душа и этой рада...
Выпил снова. И заснул.

А во сне и Плиний Старший,
И Сапфо ко мне пришли,
Лишь Алкея потерявши
В древнегреческой дали.

Мы устроили пирушку
(Было чем гостей кормить),
И Алексееву подружку
Я пытался вразумить,

Что у нас, конечно, тоже
С лесбиянок снят запрет,
Что уже мы быть не можем
Той страной, где секса нет,

Но Алкей страдает бедный,
Что совсем нехорошо,
И ко мне он отобедать
Из-за бабы не пришёл...

Тут Сапфо, всплеснув руками,
Мне сказала: «Что за чушь!
Я могу и с мужиками,
Если горло промочу...»

Стала быстро раздеваться,
Голой рядышком легла...
Ну а мне куда деваться,
Если миф сгорел дотла?

Плиний Старший покосился
На создавшийся альянс,
А потом перекрестился
И, как в «телике», – погас.

Стало мне скабрёзно что-то.
Вроде в зеркало гляжу:
Я же там с каким-то чёртом,
А не с женщиной лежу.

И потом – контрольный выстрел:
Входит в комнату жена...
А я ведь пью не ради истин,
Ради, собственно, вина.

Лучше я в этот раз смолчу.
Ты, о чём-то далёком думая,
Между нами зажгла свечу
И дыханием скрытых чувств
Потихоньку на пламя дунула.
Огонёк уклонился, сник,
Заметался, роняя искорки, —
Потревоженных душ двойник,
Что на миг потеряли искренность.

Мысли сматывая в клубок,
Те, что были, как нить, размотаны,
Я потряхиваю коробок,
Чтобы не было тихо в комнате.
Лучше всё-таки промолчать,
Ведь сказать-то по сути нечего...
Снова ровно горит свеча,
Сверху вниз до нутра просвечена.

Тихо плавится стеарин,
Мягче делается молчание...
Я бы первым заговорил,
Да мешают глаза печальные —
Будто кто-то издалека
Поманил миражами с пальмами...
Осторожно твоя рука
Проплывает над чутким пламенем.
Уже, уже скольженья круг...
Что ж ты дразнишь опасность приткую:
По-змеиному прыгнув вдруг,
Пламя жалит ладонь открытую.
Ты смеёшься, трясёшь рукой,
Тени пляшут в обнимку с бликами.
И становится так легко,
Будто, бывшие далеко,
Души сделались снова близкими.

В стоге вселенной судьбу не отыщешь.
Звёзды охапками брошены в стог.
Годы отмеряны сотнями тысяч,
И миллионы ложатся в итог.

Кто я такой посреди миллионов?
Сын человеческий с маленьких букв.
Листья охапками падают с клёнов,
И не найдёшь одинаковых двух.

Клёны вот только не плачут об этом.
Новые листья родятся весной.
Пусть во вселенной кончается лето,
В звёздном стогу оставайся со мной.

Не давите на совесть. Не надо.
Среди тех, кто не знает стыда,
Я подобен куску рафинада,
На который сочится вода...

Истончаются связи кристалла,
Вымываются крохотки сил...
Замутила мне душу усталость:
Всех простил бы – себя не простил.

Не простил и прощенья не будет.
Жизнь разменяна по мелочам.
А в тоске, раздражении, блюде
Не отыщешь начало начал.

Не отыщешь источник, откуда
Второпях зачерпнул решетом
Воду жизни, надеясь на чудо,
Что случится когда-то потом.

А потом – ничего не случится,
Потому что потом – пустота.
И вода, что на душу сочится,
То, увы, не живая вода.

И не мёртвая. Мёртвая – лечит
И стигматы, и раны, и гной.
Мне без прошлого было бы легче,
Но оно постоянно со мной...

Как перрон – с опоздавшим на поезд,
Время «че» на разбитых часах...
Се ля ви. Не давите на совесть.
Ведь по сути-то совесть – чиста.

Приснилось мне... Или дано
Минувшей ночью откровенье,
Что Бог не пестует давно
Своё злосчастное творенье.

Что он в досаде на людей,
Среди которых в каждом третьем
Засел подлец или злодей,
Да и ещё гордится этим!

Другая треть живёт во лжи,
Найдя в ней выгоды источник,
И тех, кто правдой дорожит,
Они порвать готовы в клочья!

По пальцам можно перечесть
В холоднодушной третьей трети
Непозабывших слово «честь» –
Но им грядущее не светит...

Ушёл Всевидящий во тьму
В раздумьях, тягостных до дрожи,
И очень хочется ему
Планету нашу уничтожить.

Ни Богоматерь, ни Христос,
Тем паче ни Аллах, ни Будда
Не убедят его всерьёз,
В том, что ещё случится чудо,

И род людской, переродясь
В своём радении духовном,
Раскаяньем омоет грязь
И просветлеет безусловно.

«Пророки» пишут некролог
И сеют панику напрасно –
Через меня увидит Бог:
Его творение прекрасно!

Пусть он в досаде на людей,
Но люди смертны, люди тленны,
А красоты такой нигде
Господь не создал во Вселенной.

Ему её не повторить,
В досаде меркнет вдохновенье.
А человек готов творить,
Хоть он всего творец мгновенья!

Приснилось мне... Но жизнь – не сон,
Пока я жизнь люблю до дрожи,
Я – тварь Творца! Не сможет Он
Своё творенье уничтожить.

Ребёнок плачет, слёзы по щекам
Размазывая. Плачет так азартно,
Так безутешно. Что ему века
Людских страданий. Что вчера и завтра...
Пустое всё. Есть только этот миг
Великого ребяческого горя.
Не кто-то там, а весь жестокий мир,
Как злобный враг, схватил его за горло.
Схватил и душит, не даёт дышать.
Взахлб! Навзрыд! О как же ты ранима
Распахнутая детская душа,
Не чем-нибудь – несовершенством мира!

Никто тебя ничем не защитит.
Тебе такой открытой не остаться.
Обиды детства превратятся в щит,
И шрамы на душе срастутся в панцирь.
Всё меньше слёз. Всё отстранённой взгляд.
Взросленье неотступно, как проклятье.
Несовершенство мира – это яд.
И есть ли от него противоядие?
Так хочется вскричать: конечно, есть!
Любовь! Любовь! Любовь! Любовь! И снова –
Любовь... Любви спасительная весть,
Что в мире больше доброго, чем злого.

Ребёнок плачет. Слёзы по щекам.
В его слезах – несовершенство мира.
Идут, идут, идут, идут века.
Несут Любовь...
И вновь проносят мимо.

СКВОЗЬ ЗАБЫТЬЁ

1. Я всех просил молиться за тебя,
Рассказывая, как ты одинока
В больнице, где, застигнутые роком,
Хоронят люди заживо себя.

Для многих здесь уже спасенья нет.
Но я хотел, чтоб ты нашла спасенье,
И всех просил в тот тяжкий день осенний
Послать тебе хотя бы мысли свет.

Быть может, этих мыслей и молитв
Хватило вырвать плоть твою из тлена,
Пока душа носилась по Вселенной,
Призывы звёзд далёких уловив.

Ты рассказала, как тончайший луч
В крошечной тьме твой взгляд привёл к конверту,
Где я тебе с надеждой и приветом
Передавал своей молитвы «ключ»

(Наклеив вместо марки свой портрет)
От тех дверей, что могут не поддаться,
Когда настанет время возвращаться
Из странствия, где тает жизни след.

2. Да, мой портрет... Я вырезал его
Из фотографии, где много позитива,
Среди друзей я выглядел счастливым.
Но ты из них не знала никого.

С тех пор на снимке ровная дыра.
И в ней сквозит Вселенная опасно:
Себя я сделал «рукотворным спасом» –
Не сходят с рук такие номера.

В твоих руках на целых двадцать лет
Остался «ключ» не только к тайной двери –
Тебе я душу дружески доверил...
И с той поры душе покоя нет.

Меня томят мистические сны,
Влекут куда-то призрачные тени
Сквозь забытьё с истою смертельной,
Хоть верю я: в том нет твоей вины.

Я путал сон со смертью много раз.
Всхлип приостановившегося сердца
Подсказывал, что чёрная дыра
Небытия разверзлась по соседству
С неведеньем... Я вырывался прочь
Из горловины забытья и страха
В осколочную, взрезанную ночь
И вновь себя вылепливал из праха
По сути и подобию...
Но дрожь
В руках
 мешала оставаться точным.
За ночью ночь накапливалась ложь
Цепочки переводов, а подстрочник
Плескался и дробился, как вода
В камнях, уничтожая отраженье...
Я путал смерть со сном, но никогда
Не путал пробужденье с воскрешеньем.

Когда во мне опомнится вчера,
Твой чуткий сон легко разрушит завтра.
Вот так живём... яичница на завтрак,
Разрезанная надвое с утра.

Дневною суетой отчуждены,
Мы ощущений лишены, как тени,
И с двух сторон невидимой стены
Напрасно жаждем соприкосновений.

Вечерних бликов странен перепляс:
Когда ты ждёшь,
Я напрягаю память...

И только ночь упрямо сводит нас,
Выкашивая лунными серпами
Поля любви – на брачную постель...
Какую ж мы тоску в объятьях душим?!
В какие сны пытаемся поспеть,
Соединяя прошлое с грядущим?

Говоришь о гармонии складно,
За словами не чувствуя лжи...
Увези этот камень обратно
И на место его положи.
Проходя неизменной дорогой,
Как заразу, тоску отгоняй.
Ничего в этом мире не трогай,
Ничего на ходу не меняй!»

Ты закончила злую тираду
Парой добрых цитат из Ошо
И булгаковской фразой Пилата
Об умытых руках...

«Хорошо, —
Я ответил, — когда в полумраке
Вся Вселенная разом видна,
И сакральные звёздные знаки
Возникают в проёме окна.
Что доступно тебе, то имеешь,
Тело сковано, ум — обуян
Тем стремлением, что Саломее
Не сумел донести Иоанн.
Есть познание выше рассудка,
Ты постигла немало уже.
Отчего же так смутно и жутко
Отзывается это в душе?
Может, нужно родиться пророком,
Что не каждому в мире дано,
Чтобы для человеческих окон
Распахнуть Откровенья окно.
Я не буду с безжалостным веком
Тщетно спорить, вися на ветру.
Я родился простым человеком
И простым человеком умру.

Этот камень волна обтекала,
Он впитал в себя солнце и тьму.
Я привёз тебе дар от Байкала
И обратно его не возьму».

Сквозь меня ты смотрела куда-то,
Словно видела что-то в веках.
И висела меж нами цитата
Об умытых Пилатом руках.

Что тоскует во мне, изнывает во мне бесконечно?
Говорят, что душа... Но о чём ей, душе, тосковать,
Если жизнь удалась?... Нет, не тело, не сердце, а нечто,
Что никто никогда не назвал и не сможет назвать.

Вроде, в руки ухватишь – но сразу становится пылью...
Вроде мыслью охватишь – но сразу внутри пустота...
Назовём это разницей между мечтою и былью –
То есть то, чего нет и не будет уже никогда.

Вот что важно: не будет... Дорога, ведущая в пропасть,
По которой спешишь и не думаешь даже, куда...
Исчезает с бумаги моя вдохновенная пропись,
И бумага сама растворяется, будто вода...

И опять я никто и ничто рядом с некто и нечто,
Если некто и нечто меня настигает во сне.
Зеркала визави отражают себя бесконечно,
Так и то, чего нет, бесконечно тоскует во мне.

Если жизнь удалась, и мечтать уже не о чем стало,
Только Бога просить о здоровье родных и друзей,
Это вовсе не значит, что я себя чувствую старым.
Чтобы с ветки упасть, нужно внутренне плоду дозреть.

Вот и бродят в душе эти недобродившие соки,
Избегая пустот, где их некогда грели мечты...
Я не знаю, какие мне жизнью отпущены сроки,
И живое тревожит холодный ответ пустоты.

Что тоскует во мне, я не знаю, но пусть изнывает
До предела, до пепла, который развее с моста
Неизвестная мне, непонятная сущность живая,
Я её не назвал и назвать не смогу никогда.

СОДЕРЖАНИЕ

НИКОГДА Я НЕ БЫЛ МОЛОДЫМ	
«Осень приносит плоды – мы глядим удивлённо...»	4
«Беспредельное белое поле...»	5
«В полном безмолвии снявшись...»	6
«В темницу дверь твою захлопнул я...»	7
«Какое странное мгновенье...»	8
«Когда накапливается беззвёздная мука...»	9
«Вдруг ощущаешь нехватку душевного пыла...»	10
«Моменты первые любви...»	11
«Мы, не зная о тайнах плоти...»	12
Вальс	14
«Я целовал чужую женщину...»	15
«Пусть кто-то называет это сном...»	16
«В обрывках музыки...»	18
«Бога ради – считайте меня идиотом...»	19
«Вот эта женщина, которую я ждал...»	20
«Вернёт свою судьбу монашка Богу...»	22
Нарцисс	23
«Дымят, дымят печные трубы...»	24
«Время, которое нас призывало...»	25
«Страна, конечно, и больна...»	26
«Что боль, что кручина...»	27
«По тайге я шёл-спешил...»	28
«Я иду по твоей лыжне...»	30
«Пусть за спиной ещё шумят обвалы...»	31
«Что-то смутное душу тревожит...»	32
«В разбитую форточку ветер наносит листву...»	33
«Тянется поезд упругой пружиной разгона...»	34
«Этой бритвой я брил отца...»	35
«Время вышло...»	36
«Светло. Как светло и покойно в берёзовой роще...»	37
«Календарный листок оторви...»	38
«Просто ветер лист прилепил к стеклу...»	39
«Было любви – море...»	40
«Значит, думала ты обо мне...»	41
«Эта женщина – Осень...»	44

Романс	45
Песенка	46
«Я пью один. Печаль такая...»	47
«Я в ту же воду вошёл, что и ты...»	48
«Этот миг сохраняю... Отныне...»	49
«Это просека света в густой темноте...»	50
Перемены	51
«Вчерашний день! – случайное вчера...»	53
«После пыток сердечных и паток...»	54

СРЕДИ ЛЮДЕЙ

«Я камешек поднял...»	56
«Возьми метафору и натяни струной...»	57
«Он жил в тайге... Уехав, затужил...»	58
«Вдоль залива, где простором...»	60
«А ты опять о смысле жизни...»	61
«Оторвался туман от реки...»	62
«Как гоняли вороны по-над лугом ястреба...»	64
«Когда бы вдруг меня спросили...»	65
«Об истории судим в потоке вранья...»	67
«Здесь подлость мудростью зовётся...»	68
«Я живу перед Господом Богом...»	69
«Есть люди, которые в мрамор врастают при жизни...»	70
«В поезде едем на полках соседних...»	71
«Прощальный взгляд как судьбоносный знак...»	72
«В глазицу неба вплыл зрачок луны...»	73
«Ветрено. Пасмурно. Стыло...»	75
«Всё меняется, пусть не к лучшему...»	76
«Вот кошмар-то случился ночной...»	77
«Где байкальских льдинок свалка...»	79
«Я кричал, что хочу тишины...»	80
«В дебюте наших отношений...»	81
«Вот и снова дела меня в поезде мчат...»	82
«Полнолуние. Ночь вторая...»	84
«Все дороги, которые я выбирал...»	85
«Горькой пылью припорошена...»	86
«Будто не понимаешь...»	87
«Жестокость бессилия это не сила жестокости...»	88

«Как улица глуха!...»	89
«А машины боятся грома...»	90
«По Ангаре диван плывёт...»	91
«Приехали к берегу трое на «Volvo»...»	92
«Вот мы так долго, так долго, так долго жили...»	94
«Иду, не глядя в лица...»	95
«Душа моя сегодня так слаба...»	96
«Разожгу костерок на замшелых камнях...»	98
«В дымке прячется солнечный круг...»	99
«Всё нам верится, верится: есть ещё честные люди...»	101
«В этом доме не жил Трубецкой...»	102
«Я – камень на пути Идущего – в сравненьи...»	104
«Возлюби ближнего своего...»	105
«Был полон дом. Своих гостей встречал...»	106
«Снежные просторы...»	107
«Вдоль зелёной уже земли...»	112
«Над Байкалом с утра чернота...»	113
«Мир открыт для любви. И пронизан любовью, как светом...»	114

К СОСНАМ

«Выцветает ковёр разнотравья...»	116
«Утро мутное, полуживое...»	117
«С утра пробросило снежком...»	119
«Зачем иду? Наполниться простором...»	122
«Без тебя, тебя любя...»	123
«В лесу стемнело...»	124
«Второго декабря в Иркутске выпал дождь...»	125
«На Байкале в канун Рождества...»	126
«Белым-бело на пойменных лугах...»	127
«На Ангаре морозным вечером...»	128
«Ночной Байкал. На узкий длинный мыс...»	130
«Снег кружится над головой...»	132
«Нет надежды на встречу...»	134
«Ветер будет обратно – в спину...»	135
«Над горами в лёгких облаках...»	136
«В тихом празднике снега и света...»	138
«Горы какие-то мягкие, ватные...»	139
«От первых запахов весны...»	141

«К ночи завьюжило...»	143
«Весна? И всё-таки – весна!...»	144
«Сеет холодный дождь...»	145
«В тёмно-серой золе костра...»	146
«Зелёная трава уже не изумляет...»	147
«На кедровых иголках роса...»	148
«Июньский тёплый день, как маковый цветок...»	149
«Кошу траву – беру нешироко...»	150
«Первый гриб повстречался в лесу...»	151
«Всё красное становится лиловым...»	152
«В лунной неге – ивы ветки...»	153
«Когда тебя со мною рядом нет...»	154
«Любимую обнять...»	155
«Здесь небосвод не выше потолка...»	156
«Никогда не знаешь, сколько сахара положить тебе в чай...»	157
«Солнце свалилось в провал за хребтом...»	158
«Посох уходит в песок глубоко...»	159
«Настанет час: лекарства не спасут...»	160
«Золу костра смело порывом ветра...»	162
«Возлежу на горячих камнях...»	163
«Гроза несёт в себе угрозу...»	166
«Выходные. На берег реки...»	167
«Прилетала чайка – поорала...»	169
День Байкала	170
«Сквозь листву просочился закат...»	173
«Будоражащий запах полыни...»	175
«Туча запенилась над перекатом рассвета...»	176
«До чего же мне сегодня хорошо!...»	177
«Хочу продлить рассвет или закат...»	179
«Полгоры река слизала...»	180
«Вдоль по падям ползут облака...»	182
«Лист опавший летит над водой...»	184
К ЭТОЙ МЫСЛИ Я ЕЩЁ ВЕРНУСЬ	
«Всё было так, как есть. И более того...»	186
«Как легко нам банальными быть!...»	187
Морок	188
«Пытается душу мою убаюкать дорога...»	189

«Камень, брошенный в небо...»	190
Братск (взгляд из поезда в прошлое)	191
«Вдоль Ангары тумана облака...»	191
«Тысячу раз я по этой тропе прошёл...»	191
«Поезд уже громыхает по Братской ГЭС...»	192
«Братское море сияет в другом окне...»	193
«В Братске белые ночи...»	195
«Возвращаться куда веселее...»	196
«Казалось, всё совершится в срок...»	197
«Всё искусство – сомнение в существовании Бога – по сути...»	198
«Всё, что не названо на свете...»	199
«В мире столько тайн, столько скрытых сил!...»	200
«Камнем Сизифовым в гору – день...»	202
«Каждый рядится в тогу судьи...»	203
«Когда бросает кто-то слово «чернь»...»	204
Я помню	206
«Что нам до мучений липучкой обманутых мух...»	209
«Допустим, ты воскрес из мёртвых...»	210
«Вольному воля – дорога пряма...»	211
«Древней злобой засеяно поле...»	212
«Я добрался до края земли...»	213
«Жизнь была не такой, как была...»	214
Муза Молчания	215
«На грани сна, едва закрыл глаза...»	229
«Вместо золота – ржавая жесть...»	230
«Я под красным огоньком на железной двери...»	231
Момент истины	233
«Лучше я в этот раз смолчу...»	240
«В стоге вселенной судьбу не отыщешь...»	241
«Не давите на совесть. Не надо...»	242
«Приснилось мне... Или дано...»	243
«Ребёнок плачет, слёзы по щекам...»	245
Сквозь забытьё	246
«Я путал сон со смертью много раз...»	248
«Когда во мне опомнится вчера...»	249
«Слиплась радуга с краем дороги...»	250
«Я привёз тебе камень с Байкала...»	251
«Что тоскует во мне, изнывает во мне бесконечно?...»	254

Литературно-художественное издание

Корбут Сергей Владимирович

СЕБЕ НАВСТРЕЧУ

СТИХИ

Оформление и вёрстка автора

Редактор *Корбут А.Ю.*

Использованы шрифты:
Arial, AntiqueTradyBrk, 1Isadora M

Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО «Типография «ИРКУТ»
664020, г. Иркутск, ул. Новаторов, 3.
Тел. 481-928
E-mail: press@irkut.ru